

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРСИДСКІЕ ЛИРИКИ

ПЕРСИДСКІЕ ЛИРИКИ

X-XV ВВ.

СЪ ПЕРСИДСКАГО ЯЗЫКА ПЕРЕВЕЛЪ

АКАД. Θ. КОРШЪ

ПОСЛЪ ЕГО СМЕРТИ ПРОРЕДАКТИРОВАЛЪ

И ВСТУПИТЕЛЬНОЮ СТАТЬЕЮ СНАБДИЛЪ

ПРОФ. А. КРЫМСКІЙ

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916

ДАР
ПОЛЕВОГО Л.С.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК
83968

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

1595/
3944

Типография В. И. Воронова, преемникъ Э. Л. Гавриленко.
Моховая, противъ Манежа д. кв. Гагарина.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Какимъ свѣтиломъ въ нашемъ ученомъ мірѣ былъ Ѳ. Е. Коршъ,—объ этомъ широкіе круги образованнаго общества впервые получили должное понятіе лишь послѣ его смерти изъ статей, посвященныхъ памяти покойнаго академика видными представителями различныхъ областей филологическихъ наукъ, гдѣ были обрисованы съ призна- тельной любовью и сила, и вся разносторонность его таланта. Это не значитъ, чтобы при жизни Ѳ. Е. Корша имя его оставалось недостаточно извѣстнымъ; но лишь немногіе отчетливо могли сказать, чѣмъ пріобрѣлъ онъ право на такую знаменитость. Причину этого указать не- трудно. Рѣзкой отличительной чертой Ѳ. Е. была та поразительная неохота, съ какой онъ дѣлалъ плоды сво- ихъ трудовъ достояніемъ печати, а потому о всемъ не- исчерпаемомъ богатствѣ его умственнаго достоянія могли судить лишь тѣ, кто приходилъ съ нимъ въ личное со- прикосновеніе. Что же касается источника этой его осо- бенности, то она обуславливалась, конечно, прежде всего

самимъ его интеллектуальнымъ складомъ, при которомъ неизсякаемый интересъ къ рѣшенію научныхъ и литературныхъ проблемъ носилъ свободный, самодовлѣющій характеръ. Но тутъ въ извѣстной мѣрѣ сказывалось и другое. $\Theta.$ $E.$ съ сомнѣніемъ относился къ умственной чуткости такъ называемой большой публики. Ему не вѣрилось, чтобы тѣ вопросы, которыми онъ увлекался, способны были найти въ ней отзвукъ, и потому онъ склоненъ былъ дѣлиться результатами своихъ исканій лишь съ тѣснымъ кругомъ завѣдомыхъ любителей и цѣнителей языковъ и литературы.

Такая недовѣрчивость ясно проявилась, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ наше издательство, составивъ планъ выпуска въ свѣтъ „Памятниковъ міровой литературы“, обратилось къ $\Theta.$ $E.$ съ просьбой взять на себя редактированіе тома, посвященнаго греческой лирикѣ, для котораго его ученикъ и нашъ сотрудникъ В. О. Нилендеръ собралъ почти исчерпывающій сводъ стихотворныхъ переводовъ, сдѣланныхъ какъ старыми такъ и современными поэтами. Не отказавъ въ своемъ содѣйствіи, $\Theta.$ $E.$ не скрылъ, однако, и того, что онъ скептически относится къ возможности успѣха задуманнаго нами предпріятія. Ему казалось, что, натолкнувшись на равнодушіе публики, мы будемъ вынуждены очень скоро его оставить. Но „Памятники“ стали выходить томъ за томомъ, и $\Theta.$ $E.$ принялся за обѣщанную работу. Лѣтомъ 1914 года онъ пишетъ вступительную статью къ своему тому и осенью

пересматриваетъ собранный матеріаль—когда тяжелый недугъ приводитъ его въ лѣчебницу и на операціонный столъ.

И тутъ сказалось, насколько уже Θ . Е. успѣлъ заинтересоваться нашимъ предпріятіемъ. Послѣ тяжелой операціи, лежа въ постели, онъ не только продолжалъ работать надъ греческой лирикой, но выразилъ желаніе доставить публикѣ возможность хотя сколько-нибудь познакомиться и съ любимыми его персидскими поэтами. Въ лѣчебницѣ онъ обращается къ В. О. Нилендеру съ просьбою доставить ему его разрозненные переводы изъ персидскихъ лириковъ, „которые, быть можетъ, тоже найдутъ читателей“. Такое порученіе быстро было исполнено, мы предложили Θ . Е. включить его „Персидскихъ лириковъ“ въ серію „Памятниковъ“, и Θ . Е. могъ еще видѣть свои переводы въ наборѣ. Но вскорѣ его болѣзнь приняла смертельный оборотъ, и онъ скончался, не успѣвъ закончить этой послѣдней своей жизненной работы.

Послѣ его кончины наше издательство вошло въ соглашеніе съ профессоромъ персидскаго языка и литературы въ Лазаревскомъ Институтѣ А. Е. Крымскимъ, чтобы онъ взялъ на себя редакцію настоящаго сборника, снабдивъ его вступительной статьей. При этомъ, по предложенію А. Е. Крымскаго, было рѣшено для приданія сборнику нѣсколько большей полноты включить въ него сдѣланные И. П. Умовымъ переводы изъ Хейяма—поэта, изъ котораго самому Θ . Е. не случилось ничего перевести.

Такъ увидало свѣтъ настоящее изданіе.

Персидській поетъ XIII вѣка, подносящій своє произведеніє монгольському государю Персіи. (По мініатюрѣ начала XIV вѣка).

ВВЕДЕНІЕ.

(ОТЪ РЕДАКТОРА)

I.

Гете однажды сказалъ: „Персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ;—а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня!“

Седмерица поэтовъ, про которую говоритъ Гете, есть плодъ недоразумѣнія, есть нѣкоторая историко-литературная неточность. Отвѣтственъ за неточность, положимъ, не самъ Гете, а его востоковѣдный авторитетъ Іос. фонъ-Хаммеръ, авторъ нѣмецкаго перевода „Дивана“ Хафиза, —того нѣмецкаго перевода, который послужилъ старому Гете матеріаломъ для его собственнаго, очень извѣстнаго сборника „Westöstlicher Diwan“. Хаммеръ, преклоняясь передъ излюбленнымъ у всѣхъ народовъ числомъ „7“, рѣшилъ соединить семь наиболѣе ему понравившихся крупныхъ персидскихъ поэтовъ въ отборное „седмерич-

ное ожерелье“, въ „семизвѣздіе на небѣ персидской поэзіи“. Въ эту Хаммеровскую седмирицу вошли поэты X—XV вв., т. е. классическаго періода: авторъ „Книги царей“ Фирдовсій, романтическій повѣствователь Низамій, панегиристъ Энверій, вдохновенный мистикъ Джелаледдинъ Румійскій, мудрый моралистъ Садій, нѣжный лирикъ Хафизъ, разносторонній Джамій. Всѣхъ другихъ крупныхъ поэтовъ Ирана, X—XV вв., Хаммеръ не включилъ въ свою „седмерицу“,—и среди исключенныхъ оказываются, напримѣръ, пессимистъ-философъ Хейямъ, мудрецъ-пантеистъ Аттаръ, лирикъ и эпикъ Хосровъ Дехлійскій, пѣвецъ единой міровой религіи Фейзій и еще многіе другіе, передъ талантомъ которыхъ Гете, съ полнымъ правомъ, могъ преклониться. Персы, однако, такого „семизвѣздія на небѣ своей поэзіи“ абсолютно не знаютъ, и тѣ стихотворные таланты, которыми восхищался Гете, вовсе не относятся къ разряду „забракованныхъ персами“.

Тѣмъ не менѣе, при всей историко-литературной неточности, замѣчаніе „великаго старца“ Гете не перестаетъ быть характернымъ. Характернымъ и высоко-поучительнымъ остается тотъ фактъ, что Гете усматривалъ въ персидской литературѣ непомѣрное богатство первоклассныхъ талантовъ.

Издаваемая книжка переводовъ покойнаго академика Ѳ. Е. Корша очень необъемиста. Ужъ изъ этого одного ясно, что она вовсе не притязаетъ исчерпать всю лите-

ратуру персовъ, или, хотя бы, только лирическую ихъ поэзію. Всесторонняя персидская антологія должна была бы составить, по меньшей мѣрѣ, огромный, убористый томъ, можетъ быть даже два убористыхъ тома. А этотъ сборничекъ стихотворныхъ переводовъ покойнаго служить для другой, болѣе скромной задачи: пусть изъ чрезвычайно богатой персидской поэзіи будетъ предложено русской публикѣ нѣсколько блестящихъ,—и только!

Не надо также думать, что предлагаемые образцы—это сплошь отборныя жемчужины персидской лирики, сплошь наиболѣе типичные образцы изъ нея. Надо считаться съ исторіей возникновенія и появленія переводовъ акад. Ѳ. Е. Корша. Первоначально всѣ они предназначались для моей трехтомной „Исторіи Персіи и ея литературы“, гдѣ впервые и были изданы, въ своемъ стихотворномъ видѣ, среди многихъ моихъ научно-прозаическихъ переводовъ, освѣщающихъ персидскую литературу съ достаточной равномерностью¹. Мастерскіе стихотворные переводы акад. Ѳ. Е. Корша оказывались тогда лишь добавкою, лишь очень цѣннымъ украшеніемъ моей „Исторіи Персіи и ея литературы“, но и рѣчи тогда не могло быть о томъ, чтобы они исчерпывали всю суть персидской поэзіи: этого и не требовалось. Теперь, когда всѣ стихотворные его переводы извлекаются отдѣльно и

¹ = въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію“ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, № 16. По послѣднему изданію см. преимущественно т. III, стр. 288 и слѣд.

издаются въ видѣ особаго, самостоятельнаго сборника, предназначеннаго не для иранистовъ, а для широкой публики, приходится ужъ прямо подчеркнуть, что не все, чѣмъ занимался эрудитный покойный академикъ, является самымъ популярнымъ и самымъ типичнымъ для персидской лирики, и не все, что переводилъ онъ изъ того или другого поэта, есть самое лучшее и характерное въ творествѣ того поэта. О. Е. Коршъ, останавливаясь на какомъ-нибудь персидскомъ стихотвореніи, иногда исходилъ не изъ эстетическихъ соображеній, а изъ интересовъ чисто научныхъ, историко-литературныхъ, не всегда совпадающихъ съ эстетическими. Этого ограниченія нельзя, конечно, высказать про его переводы изъ Садія и Хафиза, корифеевъ персидской лирики: то, что изъ нихъ перевелъ О. Е. Коршъ, является достаточно характернымъ для творчества Садія и Хафиза и увлекательнымъ для самага широкаго круга читателей. Но, на примѣръ, изъ Джеляледдина Румія переведены О. Е. Коршемъ не знаменитыя „газели“ Джеляледдина (изъ нихъ ни одна не остановила на себѣ вниманія покойника), а въ изобиліи переведены „четверостишія“, т. е. тотъ отдѣлъ Джеляледдиновской поэзіи, который для Джеляледдина совсѣмъ не типиченъ и, вполнѣ вѣроятно, даже не весь принадлежитъ ему. Вѣдь немалая часть „четверостишія“, приписываемыхъ Джеляледдину, оказывается и у болѣе ранняго Хейяма, и у болѣе позднихъ пессимистовъ-моралистовъ: это такъ называемыя

„странствующія четверостишія“, въ авторствѣ которыхъ иранистика до сихъ поръ не разобралась. Акад. Коршъ заинтересовался Джеляледдиновскими „четверостишіями“ вполне какъ филологъ: они малоизвѣстны европейцамъ, даже почти неизвѣстны, а между тѣмъ они могутъ служить матеріаломъ для уясненія состава дивана замѣчательнаго поэта Хейяма. Хейямъ—самый знаменитый въ настоящее время изъ старыхъ персидскихъ поэтовъ; онъ—кумиръ англичанъ и американцевъ; но до сихъ поръ не выяснено съ точностью, какіе же изъ приписываемыхъ ему стиховъ дѣйствительно составлены имъ самимъ и отражаютъ его подлинный образъ мыслей, а какіе—приписаны ему впоследствии и могутъ бросать совсѣмъ ложный свѣтъ на его міровоззрѣніе. Чѣмъ больше будетъ опубликовано всякихъ „странствующихъ“ четверостишій, ходящихъ подъ всевозможными авторскими именами, тѣмъ больше будетъ дано матеріала для рѣшенія вопроса о подлинномъ, не фальсифицированномъ міровоззрѣніи Хейяма. Переводомъ четверостишій, приписываемыхъ Джеляледдину Румійскому, Ѡ. Е. Коршъ и думалъ увеличить число историческихъ данныхъ для рѣшенія т. н. „Хейямовскаго вопроса“. Всякій русскій филологъ-иранистъ, конечно, скажетъ переводчику спасибо. Но будутъ ли Джеляледдиновскія четверостишія такъ же интересны для средняго читателя-неспеціалиста, какъ они интересны для спеціалиста, объ этомъ переводчикъ не спрашивалъ себя.

Переводовъ изъ самого Хейяма акад. Коршъ не далъ никакихъ.

При отсутствіи такихъ переводовъ въ нынѣ издаваемой книгѣ „Персидскихъ лириковъ“, обыкновенный русскій читатель рисковалъ бы окончательно ослабить свой интересъ къ переводамъ Джелялединиовскихъ четверостишій: они, сами по себѣ, безъ предварительнаго знакомства съ четверостишіями Хейяма, очень вѣдь многое теряютъ. Кромѣ того, отсутствіе переводовъ изъ Хейяма въ нынѣшнемъ изданіи составило бы вообще значительный пробѣлъ—и литературно-историческій, и эстетическій; читатель не получилъ бы надлежащаго, цѣльнаго впечатлѣнія отъ общей картины персидской лирики. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, я счелъ нужнымъ вставить въ редактируемое мною изданіе тѣ переводы изъ Хейяма, которые изготавилъ И. П. Умовъ, общій ученикъ мой и академика Ѳ. Е. Корша. Имѣя передъ собою, въ переводѣ И. П. Умова, важнѣйшія четверостишія Хейяма, русскій читатель оцѣнитъ ужъ надлежащимъ образомъ и четверостишія, приписываемыя Джеляледину, и четверостишія Хейямовыхъ предшественниковъ—ибнъ-Сины и Абу-Сеида Хорасанскаго, и вообще пойметъ всю важность и цѣнность этого литературнаго жанра. Нельзя, конечно, отрицать, что, включая въ сборникъ переводовъ, сдѣланныхъ однимъ лицомъ, переводы другого лица, я нѣсколько нарушаю единство переводческаго стиля (вѣдь *si duo faciunt idem, non*

est idem). Но что общая картина персидской поэзии много выиграетъ отъ включенія въ нее образцовъ изъ великаго Хейяма, равно какъ много выиграетъ читающая русская публика, объ этомъ и спорить не приходится.

Въ концѣ концовъ, какія бы оговорки ни пришлось дѣлать про составъ нынѣ издаваемой книги, про нѣкоторую ея неполноту, все-таки можно надѣяться, что русскій читатель получитъ очень недурное общее впечатлѣніе отъ персидской лирики классическаго періода, т. е. X—XIV в.

II.

Чтобы вѣрно постигать классическую персидскую лирическую поэзію, надо всегда помнить, что она вся обвѣяна т. н. суфійствомъ. Суфійство—это мусульманскій мистицизмъ съ пантеистической окраской. Происхожденіе онъ имѣетъ частію буддійское, частію христіанско-неоплатоническое (черезъ греческую философскую литературу, переведенную при халифахъ). Персидская лирика полна пантеистическихъ воззрѣній. Да кромѣ того, она имѣетъ свой особый, условный аллегорическій языкъ, вродѣ того, который христіане усматриваютъ въ ветхозавѣтной библейской „Пѣсни Пѣсней“.

Міръ, по воззрѣнію суфіевъ, есть истеченіе, эманация Божества, и, въ своемъ кажущемся разнообразіи, онъ имѣетъ лишь призрачное существованіе. Міръ и Богъ—

единое. Человѣкъ—капля изъ океана Божества. Къ прозрачному здѣшнему міру привязываться не стоитъ, тѣмъ болѣе, что онъ—сплошная юдоль страданій. Можно веселиться въ этомъ мірѣ, наслаждаясь отдѣльнымъ случайнымъ моментомъ; но гораздо лучше—не привязываться къ наслажденію, и вмѣсто того убить свое „я“, умертвить свою плоть, заживо приблизиться къ Всеединому, чтобы потонуть въ Немъ, слиться съ Нимъ, расплыться словно капля въ океанѣ. Стремленіе къ Божеству, тяготѣніе къ экстатическому единенію съ Нимъ, суфіи сравниваютъ съ любовью къ милой или къ другу, съ опьяненіемъ и т. п., и оттого ихъ поэзія сверхъ философско-пессимистическихъ идей воспѣваетъ и мистическую гедонику. Такимъ образомъ, поэтъ восхваляетъ, напри- мѣръ, весну, садъ, пиршество, изящнаго виночерпія, дорогую подругу,—а на дѣлѣ все это означаетъ мистическое стремленіе души аскета-созерцателя къ единенію съ Богомъ. Поэтъ лирически тоскуетъ, почему милая подруга жестокосерда и не обращаетъ вниманія на своего ухаживателя,—а на дѣлѣ это подвижникъ стонетъ, почему у него долго нѣтъ мистическаго наитія и экстаза¹.

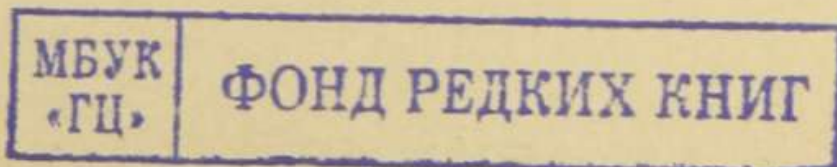
Возможно, что у европейскаго читателя возникнетъ вопросъ: „А что, у персовъ нѣтъ обыкновенной, буквальной, немистической поэзіи? Развѣ нѣтъ у нихъ

¹ Здѣсь не мѣсто входить ближе въ изложеніе суфійства и исторію его развитія. Суфійству посвященъ II томъ моей „Исторіи Персіи и ея литературы“.

поэзии, которая безъ всякой иносказательности воспѣвала бы подлинную, общечеловѣческую любовь, подлинную красу природы, подлинное веселье?!"

Придется отвѣтить: пожалуй, что такой поэзии въ персидской литературѣ и нѣтъ. Не осталось. Въ X вѣкѣ литературный обычай еще вполне допускалъ неподдѣльную эротику, неподдѣльную гедонику, но потомъ постепенно установился въ литературѣ довольно лицемѣрный обычай — писать о немистической человѣческой лирической жизни такъ, чтобы стихи не шокировали святыхъ людей. Писать — такъ, чтобы люди набожные могли понимать даже самую грѣшную гедонику и чувственность, какъ аллегорію, какъ высокую набожность, выраженную въ мистической формѣ. Состоялась и обратная сдѣлка: святые люди, или поэты безусловно мистическіе, желая, чтобы ихъ произведенія нравились свѣтски настроеннымъ меценатамъ, старались писать реально и не строили очень насильственныхъ аллегорій.

Слѣдствіемъ такого обычая явилось то, что мы теперь часто не можемъ опредѣлить, какъ надо понимать того или другого поэта, — тѣмъ болѣе, что сами суфіи всѣхъ легко зачисляють въ свои ряды. И особенное разногласіе существуетъ по отношенію къ шейху суфіевъ Хафизу, царю лирической газели XIV вѣка, величайшему лирику-анакреонтику Персіи. Ни широкая публика, ни ученые не могутъ сговориться: съ мистическимъ или не

съ мистическимъ настроеніемъ написана та или другая его любовная или вакхическая газель?

Вѣроятно, такой вопросъ навѣки останется неразрѣшеннымъ.

Съ одной стороны, спокойное положеніе Ширази, который мало пострадалъ отъ монголовъ въ XIII вѣкѣ въ силу умной политики его атабековъ и который недурно устроился и въ XIV вѣкѣ, благопріятствовало восхваленію радостей жизни. Хафизъ въ своей молодости, возможно, съ полной реальностью испыталъ все то, о чемъ гедонически поютъ его газели. Но, надо полагать, онъ и въ молодости, слѣдуя модѣ, писалъ такъ, чтобы его пѣсни подлинной любви и наслажденій не производили непріятнаго впечатлѣнія на религіозно-суфійскаго читателя. Съ другой стороны, въ старости, когда Хафизъ былъ суфійскимъ шейхомъ и когда его душа могла лежать только къ аскетизму и къ гедоникѣ строго мистической, онъ, вѣроятно, пользовался впечатлѣніями молодости и потому писалъ очень реально.

Во всякомъ случаѣ отмѣтить надо тотъ фактъ, что въ то время, какъ суфіи (и многіе оріенталисты) считаютъ Хафиза чистымъ мистикомъ, стихи Хафиза распѣваются въ народѣ какъ любовныя пѣсни.

Очевидно, подобную же мѣрку придется приложить и къ стихамъ Хейяма, и къ Джеляледдиновымъ четверостишіямъ, и къ газелямъ Садія. Подлинная эротика и подлинный вакхизмъ, мистическая эротика и мистическій

вакхизмъ—слились въ персидской литературѣ въ нераспутываемый клубокъ.

Европейскому читателю, не историку литературы, при чтеніи персидской лирики, пожалуй, удобнѣе всего будетъ руководиться правиломъ одного изъ критическихъ издателей дивана Хафиза: „Встрѣчая у Хафиза прекрасное и глубоко-прочувствованное, мы имѣемъ полное право понимать его по законамъ прекраснаго и истиннаго, какія бы аллегорическія толкованія ни давали ему комментаторы“¹.

III.

Остается намъ дать нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о каждомъ изъ тѣхъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ, въ переводѣ акад. *Θ. Е. Корша* (и *И. П. Умова*), вошли въ составъ нынѣшняго изданія².

1) Стр. 1 — 5. Старецъ *Абу-Сеидъ ибнъ-абиль-Хейръ Хорасанскій* (967—1049). Это *Θеодосій Печерскій* персидскаго суфійства, основатель старѣйшаго изъ достоверно извѣстныхъ намъ персидскихъ суфійскихъ мона-

¹ *H. Brockhaus: Die Lieder des Hafis, т. I (Лейпцигъ 1854)* предисловіе.

² Конечно, все это сообщено будетъ въ самыхъ общихъ чертахъ, очень кратко и сжато и безъ всякаго указанія библиографіи. Читатель, который захотѣлъ бы получить исто-

стырей, въ сѣверо-восточномъ Иранѣ, въ области Хорасанѣ. Славенъ старецъ Абу-Сеидъ своею святостью, аскетической жизнью, глубокимъ презрѣніемъ къ міру.

Съ литературной стороны Абу-Сеидъ проявилъ себя въ „робаі“ (множ. ч. „робайят“), т. е. четверостишіяхъ-афоризмахъ, философско-пессимистическаго содержанія, съ яснымъ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ, съ мистико-влюбленнымъ и упоеннымъ настроеніемъ, которое, конечно, надо понимать не иначе, какъ аллегорически. По степени талантливости, четверостишія старца Абу-Сеида не могутъ быть поставлены очень высоко¹. Они цѣнны, какъ предвѣстіе знаменитыхъ, могучихъ четверостишіей Хейяма.

2) Стр. 7—10. Приблизительно такое же непреувеличенное мнѣніе должно быть высказано относительно общелитературнаго достоинства четверостишіей философа Авиценны (980—1037), имя котораго въ точномъ выговорѣ есть Абу-Алій ибнъ-Сина.

Авиценну знаетъ средневѣковая Европа, какъ бессмертно-геніальнаго врачевателя. По его медицинскому „Канону“ лѣчили европейцы даже въ началѣ Новыхъ

рико-литературныхъ свѣдѣній побольше, можетъ обратиться къ моей трехтомной „Исторіи Персіи и ея литературы“ и найдетъ тамъ всевозможныя подробности и исчерпывающую библіографію.

¹ Эте, нѣмецкій изслѣдователь и издатель четверостишіей старца Абу-Сеида, сильно преувеличилъ его чисто-литературное значеніе.

вѣковъ, и на примѣръ въ Медицейской типографіи въ Римѣ 1593 г. сводъ Авиценны былъ изданъ по-арабски съ полной роскошью; а латинскіе переводы „Канона“ печатались въ XVI—XVII в. безпрестанно, изданіе за изданіемъ. „Авиценна и Гиппократъ“ — это были два авторитетнѣйшихъ медицинскихъ имени для тогдашней Европы¹. Но, въ сущности, медицина оказывалась у ибнъ-Сины лишь придаткомъ къ его прочимъ знаніямъ: онъ — энциклопедистъ, онъ — философъ аристотелевскаго направленія съ мистико-неоплатоническою окраской. Персъ родомъ изъ Бухары, ибнъ-Сина живаль при высококультурныхъ дворахъ сѣверно-персидскихъ удѣльныхъ государей X — XI в., выдвинувшихся на развалинахъ недавняго арабскаго халифата: бухарскихъ эмировъ — изъ династіи Саманидской, прикаспійскихъ князей — Джорджанскихъ, западно-персидскихъ султановъ — шиитовъ — изъ династіи Бовейхидской. Завоеватель Махмудъ Газневидскій, тщеславный и капризный турокъ, радъ былъ бы для прославленія своего двора затащить ибнъ-Сину, это чудо учености и знаній, къ себѣ въ Афганистанъ, въ далекую Газну, — и философъ съ трудомъ спасся бѣгствомъ отъ подобной тягостной для него чести.

По обычаю своего вѣка, ибнъ-Сина, какъ ученый

¹ Не мѣшаетъ замѣтить, что правильное лѣченіе сифилиса, этой ужасной болѣзни, которая сдѣлалась внезапнымъ бичомъ безпомощной Европы XV—XVI в., подсказано было „Канономъ“

авторъ, являлся преимущественно писателемъ арабоязычнымъ: арабскій языкъ былъ для ученыхъ персовъ X вѣка тѣмъ, чѣмъ была латынь для ученой средневѣковой Германіи. И даже какъ поэтъ, ибнъ-Сина творилъ обыкновенно по-арабски (его прекраснѣйшая, знаменитая ода о душѣ-птицѣ, неожиданно влетѣвшей въ его брненное тѣло и готовой опять къ выпреннему отлету, тоже писана по-арабски). Однако, кое-что художественное писалъ ибнъ-Сина и на своемъ родномъ языкѣ персидскомъ—и сюда относятся философскія четверостишія, образцы которыхъ переведены акад. Ѡ. Е. Коршемъ и которыя, по содержанію, иногда бываютъ полной противоположностью, иногда же очень близкимъ дополненіемъ къ одновременнымъ четверостишіямъ Абу-Сеида. Ученѣйшій философъ ибнъ-Сина и прозорливый старецъ Абу-Сеидъ состояли въ дружескихъ сношеніяхъ. — „Ибнъ-Сина путемъ науки знаетъ то самое, что я вижу въ наитіи“, отозвался про него Абу-Сеидъ. — „Шейхъ Абу-Сеидъ постигъ путемъ наитія то самое, что я изучилъ черезъ науку“, сказалъ про святого старца философъ. Четверостишія ибнъ-Сины, какъ и Абу-Сеида, интересны въ литературномъ отношеніи только какъ предвѣстіе твор-

Авиценны. У него нашлось указаніе, что болѣзни подобнаго рода надо лѣчить ртутью. Съ тѣхъ поръ и вплоть до нашихъ временъ ртуть остается главнымъ лѣкарствомъ противъ этой грозной язвы человѣчества.

чества Хейяма, который былъ ученикомъ ибнъ-Сины. Въ особенности, не будь этого послѣдняго обстоятельства, „робайяты“ ибнъ-Сины остались бы для читателей незамѣчательны, пожалуй, ровно ничѣмъ.

3) Стр. 11—22. Омаръ Хейямъ (ок. 1040—1123) въ настоящее время безспорно является самымъ популярнымъ въ западномъ мірѣ изъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ. Среди англичанъ и американцевъ имѣются общества имени Хейяма, и созданъ ему прямой культъ.

Какъ видно изъ біографіи, Хейямъ былъ ученѣйшій математикъ-астрономъ и философъ XI—XII в., духовный питомецъ ибнъ-Сины. Жилъ онъ при нишапурскомъ дворѣ и завѣдывалъ обсерваторіею великаго государя-сельджука Меликъ-шаха (1072—1092), которому принадлежала вся мусульманская Азія, отъ пограничій Китая и Индіи до воротъ Константинополя: все это вѣдь завоевали турки-сельджуки въ XI вѣкѣ, а сами подчинились культурному персидскому вліянію. Хейямъ пользовался покровительствомъ всевластнаго Меликъ-шаховскаго везира, талантливаго и образованнаго перса Низамольмолька, который былъ воспитателемъ Меликъ-шаха и, въ качествѣ полномочнаго довѣреннаго министра, сѣумѣлъ экономическими и административными мѣропріятіями поднять благосостояніе мусульманскихъ странъ, разоренныхъ газневидскимъ правленіемъ X—XI в., да много потерпѣвшихъ, также, отъ завоевательнаго водворенія турковъ-сельджуковъ.

Въ роли писателя ученаго (какъ алгебраистъ, астрономъ), Хейямъ не относится къ персидской литературѣ: научныя свои работы онъ писалъ по-арабски. Эти работы его донынѣ очень цѣнятся европейскими специалистами. Однако, міровая, повсемѣстно громкая извѣстность доставлена Хейяму, все же, не математическими арабскими его произведеніями, а персидскими четверостишіями и „робайят“. И обыкновенно, когда бываетъ произнесено самое слово: „робайят“, то европейцы вспоминаютъ не кого другого, какъ Хейяма: въ этой области творчества онъ—царь. Въ своихъ талантливыхъ, остроумныхъ четверостишіяхъ Хейямъ далеко превзошелъ и ибнъ-Сину, и Абу-Сеида.

Въ Хейямовскихъ „робайятахъ“ много пантеистическаго вольнодумства и міровой скорби, ѣдкихъ выходокъ противъ жаднаго мусульманскаго духовенства; въ иныхъ есть насмѣшки надъ запрещеніемъ пить вино и призывъ къ веселью, и т. п. Какъ согласовать убійственный, безотрадный пессимизмъ — и призывъ къ необузданному веселью, къ радостямъ жизни? А вѣдь четверостишія послѣдняго-то типа, вакхическія и гедоническія, до сихъ поръ пользуются въ Персіи наиболѣе популярной извѣстностью среди прочихъ Хейямовскихъ; они стали народными пѣснями. И многими европейцами они понимаются не иначе, какъ въ атеистическомъ и гедоническомъ смыслѣ. Фитцъ-Джеролдъ, главный популяризаторъ Хейяма на западѣ, остроумно примирилъ всѣ противорѣчія въ

Хейямъ: расположилъ свой превосходный англійскій переводъ Хейямовскихъ робайятъ такъ, что сперва передъ читателемъ звучатъ призывы къ жизни, раздаются восторженный крикъ: „vivere memento!“, а потомъ ужъ высказываются ноты разочарованія, тоска отъ жизни, и проводится мысль: „memento mori!“ Распредѣленіе стиховъ, проведенное Фитцъ-Джеролдомъ, и его истолкованіе хода развитія Хейямовскаго міровоззрѣнія въ высшей степени общеприняты у западныхъ поклонниковъ Хейяма. Другіе, для разрѣшенія Хейямовскихъ противорѣчій, доказываютъ, что большая часть гедоническихъ робайятъ, снабженныхъ именемъ Хейяма это просто позднѣйшая интерполяція въ „диванъ“ Хейяма¹, что самъ Хейямъ ихъ никогда не писалъ,—слѣдовательно, и къ міровоззрѣнію его они вовсе не относятся. Но все же, какъ-ни-какъ, есть въ диванѣ Хейяма и безусловно имъ самимъ писанные, безусловно неподдѣльные вакхическіе его стихи. Быть можетъ, къ нимъ вполне примѣнима вышесказанная мѣрка Фитцъ-Джерольда; именно, быть можетъ, они—его молодые стихи, а стихи печальные—это ужъ его стихи старческіе. Однако нельзя поручиться, что и въ своей старости мудрецъ-Хейямъ не писалъ жизнерадостныхъ стиховъ, только смыслъ влагалъ онъ

¹ „Диваномъ“ называется собраніе стихотвореній какого-нибудь поэта. Располагаются стихотворенія въ „диванѣ“ по порядку риѣмъ.

въ нихъ тогда не жизнерадостный, а иной. И если кое-какіе стихи Хейяма, гедоническіе по стилю, дѣйствительно окажутся старческими, то можно будетъ толковать ихъ иносказательно, на обычный суфійско-аллегорическій ладъ. Надо вѣдь считать несомнѣннымъ, что авторъ, философъ Хейямъ, ученикъ ибнъ-Сины, принадлежалъ къ одной изъ вѣтвей суфизма, тѣмъ болѣе, что и жизнь онъ велъ почти аскетическую, по крайней мѣрѣ — насколько мы имѣемъ свѣдѣнія.

Что касается той метрической формы, въ которой Хейямовскіе стихи переданы русскимъ переводчикомъ И. П. Умовымъ, то она примѣнена съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая длинная персидская строка соответствовала двумъ русскимъ короткимъ строкамъ. И. П. Умовъ исходилъ изъ той, безусловно правильной, мысли, что русскому переводчику слѣдуетъ передавать по-русски персидское стихотвореніе такою стихотворною формою, какую долженъ былъ бы по-русски избрать самъ персидскій авторъ, еслибъ онъ писалъ по-русски и желалъ произвести на психику русскаго читателя XX вѣка впечатлѣніе, однородное съ впечатлѣніемъ персидскаго читателя XI в. отъ персидской формы XI вѣка.

4) Стр. 23—28. Ха кан і й (1106—1199), изъ котораго О. Е. Коршъ, въ виду своего спеціального интереса къ робайятному жанру, перевелъ нѣсколько четверостишія, на самомъ дѣлѣ характеренъ вовсе не какъ робайятный авторъ, а какъ гиперболическій панегиристъ.

Хаканій, по псевдоклассическому выраженію одного изъ европейскихъ оріенталистовъ, есть „Пиндаръ востока“¹.

Вообще въ XII вѣкѣ получила очень высокое развитіе у персовъ поэзія панегирическая. Огромная, единая сельджукская имперія великаго Меликъ-шаха разложилась въ XII вѣкѣ на самостоятельные многочисленные удѣлы; весь Иранъ представлялъ разныя владѣнія отдѣльныхъ членовъ распавшейся сельджукской династіи или иныхъ выдвинувшихся государей,—и дворъ каждаго изъ областныхъ, соперничающихъ владѣтелей былъ очень удобнымъ и прибыльнымъ очагомъ для слаганія хвалебныхъ одъ. Главныя имена среди персидскихъ панегиристовъ XII вѣка—Энверій, Хаканій, Зехиръ Фаръябскій. Изъ нихъ Хаканій жилъ въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго Закавказья, въ предѣлахъ нынѣшней Елисаветпольской губерніи, которая тогда, въ XII вѣкѣ, съ сосѣдними Бакинскими округами, образовывала собою т. н. шахство Ширванское, вассальное Азербейджанскому атабекству. Хаканій былъ сынъ одного ширванскаго плотника и воспѣвалъ своихъ шаховъ.

Какъ это часто бываетъ на востокѣ у стихотворцевъ-панегиристовъ, Хаканій, наряду съ составленіемъ беззастѣнчиво-льстивыхъ одъ, испытывалъ не разъ и чувство усталости отъ придворной и вообще житейской суеты,

¹ Jos. von Hammer: „Geschichte der schönen Redekünste Persiens“, 1818, стр. 129.

и презрѣніе къ окружающему міру, и горячую потребность подумать о Божествѣ и мистическомъ единеніи съ Нимъ. Эта обратная, интимная сторона душевныхъ переживаній присяжнаго панегириста-Хаканія нашла свое словесное выраженіе, между прочимъ, и въ „четверостишіяхъ“. Въ Хаканіевскихъ „четверостишіяхъ“ привлекательна ихъ искренность, хотя они не могутъ, по силѣ, сравниться съ Хейямовскими.

5) Стр. 29—54. Садій Ширазскій, или по болѣе обычному выговору Саадій (1184—1291), является однимъ изъ самыхъ любимыхъ авторовъ въ Персіи. Онъ —суфій-моралистъ, и его высоко-остроумныя, наблюдательныя произведенія въ высшей степени популярны и у персовъ, и во всемъ исламскомъ мірѣ. Слова Садія—всегда у всѣхъ на устахъ, словно пословицы.

Писаль Садій во времена монгольскаго лихолѣтья, въ эпоху ужасовъ губительнаго Джингизъ-хана и его преемниковъ. Суфійство тогда широко проникло въ народныя массы. Интересно оно для всѣхъ было въ особенности не какъ религія, а какъ житейскій аскетизмъ, т. е. наиболѣе удобная въ то время форма жизни. Въ монгольскую эпоху, подъ вѣчнымъ Дамокловымъ мечомъ, человѣкъ просто въ силу неизбежности склонялся къ мысли, что ничего не имѣющій и ничѣмъ не дорожащій —ничего и не теряетъ. Мысль эта одинаково вросла въ сознаніе какъ тѣхъ, кто пострадалъ отъ монгольскаго нашествія, такъ не менѣе и тѣхъ, кто по отдаленности

еще только ждалъ прихода этого меча Божія. Родная область Садія Фарсъ съ г. Ширазомъ, въ силу умной и осторожной политики ея владѣтелей-атабековъ, убереглась отъ ужасовъ татарщины, но поэтъ лучше свои годы и не прожилъ въ ней. Онъ на родину вернулся лишь въ пожилые годы, а до того времени судьба швыряла его во всѣ стороны мусульманскаго міра, отъ Индіи до Сиріи, и заставила его все испытать. Сегодня Садій—набожный мусульманинъ, завтра—онъ принимаетъ для спасенія жизни брахманскую религію въ Индіи; сегодня—онъ почтенный шейхъ-учитель въ Дамаскѣ, завтра—плѣнный рабъ сирійскихъ крестоносцевъ и роетъ окопы для триполійской рыцарской крѣпости, направляемой противъ мусульманъ. Пантеистическое суфійство такого человѣка, который „изъ рукъ судьбы поѣлъ и горячаго и холоднаго“, разумѣется, должно было отличаться приспособляемостью и уступчивой двойственностью. Если въ своемъ стихотворномъ „Бустанѣ“=„Плодовомъ саду“ и въ лирическихъ изліяніяхъ (касыдахъ, газеляхъ и пр.) Садій вдохновенно призываетъ людей познать суету міра и его ничтожество, то въ полупрозаическомъ-полустихотворномъ, полномъ анекдотовъ „Голистанѣ“=„Розовомъ цвѣтникѣ“ онъ предлагаетъ наилучшіе способы, чтобы ужиться поспокойнѣе въ этомъ суетномъ, ничтожномъ мірѣ; суть наставленій сводится къ правилу: „Не будь волкомъ, но и не будь овцою, чтобы не съѣли волки“. Въ мистическихъ касыдахъ и въ „Бустанѣ“ Са-

дій съ теоретическою восторженностью воспѣваетъ равенство всѣхъ религій, а въ практическомъ совѣтѣ читателю, для иллюстраціи мысли, что умному человѣку все пригодится, Садій наивно приводитъ наглядный примѣръ:

„Въ христіанскомъ колодецѣ—вода нечиста?—
 „Въ ней мы можемъ омыть трупъ поганый жида!....“

Онъ зоветъ къ умерщвленію плоти—и, въ то же время, въ угоду сильнымъ міра сего, пишетъ непристойнѣйшія, грубо-порнографическія „Гнусности и шутливыя засѣданія“, отдѣляясь замѣчаніемъ: „Шуточка въ рѣчи—что соль въ пищѣ“.

Садій—любимый обиходный поэтъ персовъ, чудный выразитель исто-персидскаго духа. Литературныя подражанія ему начались при его жизни и продолжаются до настоящаго времени, чему содѣйствуетъ изученіе „Голистана“ персами на школьной еще скамьѣ. Какъ лирикъ, Садій тоже первоклассная величина и имѣлъ вліяніе на дальнѣйшихъ лириковъ, не исключая „царя газели“, Хафиза XIV в.

6) Стр. 55—92. Джеляледдинъ Малоазіатскій, или, какъ говорится по-восточному, Румійскій (1207—1273), нѣсколько менѣе популяренъ у персовъ, чѣмъ Садій, но по геніальности Джеляледдинъ есть, пожалуй, наиболѣе великое имя въ суфійской поэзіи. Онъ несравненно духовнѣе практика-Садія.

Въ то время, какъ монголы разоряли Иранъ и, по

словамъ историка ибнъ-аль-Асира (ум. 1232) превращали дѣйствительность не просто въ день Страшнаго Суда, но въ нѣчто еще болѣе грозное, Джеляледдинъ Румійскій жилъ въ сельджукско-турецкомъ государствѣ Малой Азіи („Румъ“), въ г. Коніи, куда монголы не добрались, но гдѣ прихода ихъ ждать можно было. Общее гнетущее общественное настроеніе монгольскаго безвременья XIII вѣка, достигшее и Малой Азіи, въ связи съ личной тоскою Джеляледдина отъ потери вѣрнаго друга, юродиваго учителя, сказалось и на его жизни, и на его творествѣ. Джеляледдинъ покинулъ міръ (онъ былъ придворнымъ ученымъ), сдѣлался дервишемъ-нищимъ и основалъ особый орденъ дервишей-„мовлеви“; у этого ордена типичная внѣшняя черта быта—особыя радѣнія: хороводная пляска подъ унылые звуки флейты.

Въ идеяхъ литературнаго своего творчества Джеляледдинъ—возвышенный пантеистъ.

Лирическія стихотворенія его „Дивана“ прославляютъ, правда, и чисто-практическое удобство нестяжательности, на тему, что „человѣкъ Божій сытъ безъ мяса, пьянъ безъ вина“, и что жизнь, которую вѣчно гнететъ нависающій ударъ, лучше всего облегчается добровольнымъ отреченіемъ отъ жизни, отъ ея удобствъ, отъ ея суетныхъ заботъ. Однако гораздо больше у Джеляледдина—чистой созерцательности. Всюду въ мірѣ онъ съ восторгомъ видитъ Всеединого Бога, онъ влюбленъ въ Него, онъ рвется къ соединенію съ Нимъ, къ отреченію

отъ „я“, онъ стремится стереть разницу между „я“ и „мы“.

Кромѣ чисто-лирическаго „Дивана“ (изъ него у акад. Ѡ. Е. Корша нѣтъ русскихъ переводовъ), Джеляледдину Румійскому принадлежитъ „Месневи“ = „Двойница“, т. е. сборникъ стихотворныхъ повѣстей и разсказовъ въ перемежку со стихотворными же разсужденіями, гдѣ всюду риѣма чередуется въ каждой парѣ двустишіей. Изложеніе „Месневи“ построено у Джеляледдина такъ, что разсказъ служитъ иллюстраціей и матеріаломъ для разсужденія. Разсказавши какой-нибудь анекдотъ, авторъ тутъ же поясняетъ, что это лишь притча, и дѣлаетъ изъ нея нравоучительный выводъ, извлекаетъ мораль, излагаетъ суфійскія пантеистическія и аскетическія доктрины. Или наоборотъ, сперва идетъ изложеніе какой-либо суфійской теоріи, а ужъ затѣмъ, для наглядной иллюстраціи или для образнаго сравненія, предлагается остроумный разсказъ. Акад. Ѡ. Е. Коршъ ограничился переводомъ нѣсколькихъ чисто повѣствовательныхъ, занимательныхъ отрывковъ изъ „Месневи“, отбросивши, какъ думалось—скучноватую, лирическую наставительность, вытекающую изъ нихъ.

Кромѣ того, къ произведеніямъ Джеляледдина относятся „Робаіятъ“ = „Четверостишія“, иногда писанныя на подобіе Хейямовскихъ, а иногда, слово-въ-слово, совпадающія съ Хейямовскими или еще иными. Ради историко-литературной научной важности подобныхъ „стран-

ствующихъ“ четверостишія, покойный акад. Коршъ удѣлилъ имъ львиную долю своего вниманія (мы объ этомъ ужъ говорили на стр. XIV—XV¹).

7) Стр. 93—114. Шейхъ Хафизъ (ок. 1300—1389), „персидскій Анакреонтъ“, „пѣвецъ розъ и соловьевъ“—самый знаменитый персидскій поэтъ-лирикъ, имѣвшій крупное вліяніе и на европейскую литературу, благодаря „Westöstlicher Diwan“ Гете. Послѣ появленія Гетевскаго „Западно-восточнаго Дивана“, въ Германіи среди стихотворцевъ развилась модная страсть писать любовно-лирическіе стихи по-нѣмецки въ духѣ „газелей“

¹ На стр. 88 переводъ одного четверостишія (№ 88) оказывается малопонятнымъ или даже вовсе непонятнымъ въ силу несомнѣнной ошибки, за которую отвѣтственъ, разумѣется, не акад. Э. Е. Коршъ, а плохой печатный текстъ константинопольскаго изданія (стр. 279), бывшій въ распоряженіи покойнаго академика. Въмѣсто изданнаго „джанъ“ (=душа) надо, очевидно, читать „хъанъ“ (=постоялый дворъ, стойло). По-персидски разница въ написаніи этихъ двухъ словъ сводится только къ одной точкѣ надъ буквою. Смыслъ стиха, послѣ предложеннаго мною исправленія, будетъ такой: „Всѣ стойла годятся для животныхъ, а не одно какое-либо опредѣленное стойло. Всѣ хлѣбы пригодны для алчущихъ, не одинъ опредѣленный хлѣбъ“. Стихотворный видъ четверостишія могъ бы, послѣ того, явиться приблизительно такимъ:

Не хлѣвъ, а всѣ хлѣвы пригодны для скотины,
 Не хлѣбъ, а всѣ хлѣбы—кому нужна ѣда.
 Всему, что можетъ здѣсь быть радости причиной,
 Замѣну ты найдешь, но милой—никогда.

Хафиза, съ соблюденіемъ, по возможности, даже того очень неудобнаго внѣшняго отличія „газелей“, согласно которому рима во всѣхъ строфахъ должна быть монотонно-единообразна. Довольно ядовито характеризоваль нѣмецкихъ „газелистовъ“ Иммерманъ:

Von den Früchten, die sie aus dem Gartenhain von Schiras stehlen,
Essen sie zu viel, die Armen, und vomieren dann Gaseleu...

Хафизъ—землякъ Садія. Онъ изъ той же южной Персіи, откуда и Садій; онъ уроженецъ и постоянный житель того самаго города Шираза, откуда происходилъ Садій. Но шейхъ Садій жилъ здѣсь на сто лѣтъ раньше, въ XIII вѣкѣ, когда Персія испытала монгольское нашествіе и гнетущее монгольское владычество; а шейху Хафизу пришлось жить въ XIV вѣкѣ, въ ту пору, когда монгольская власть всюду ослабѣла, частію жъ и исчезла. Въ Персіи сѣверо-западной (азербейджанскомъ Тебризѣ и другихъ мѣстахъ) продолжали въ XIV вѣкѣ еще властвовать если не самые потомки Джингизъ-хана, то ихъ монгольскіе воеводы-Джелаириды (правда, уже сильно оперсіянившіеся), а въ юго-восточной Персіи выдвинулась и распространялась ужъ своя національная, персидская династія Мозафферидовъ. Хафизъ въ большую половину своей жизни видѣлъ свой родной городъ Ширазъ еще подъ правленіемъ монгольскимъ, и лишь въ 1353 году въ Ширазѣ водворились враждебные монголамъ Мозаффериды. Поэту, почтенному шейху дервишей, одинаково

благоволили и покровительствовали и монгольскіе государи, и персидскіе, и онъ свои изящныя „газели“ съ одинаковой преданностью посвящалъ и тѣмъ и другимъ. Писалъ онъ и панегирики имъ; но панегиризмъ, вообще говоря, крайне мало свойственъ творчеству Хафиза. Главныя ноты его лирики—гедонизмъ и гедонизмъ, изливающійся до такой степени реально, что даже въ заведомо старческихъ газеляхъ Хафиза, когда онъ, престарѣлый шейхъ дервишескаго ордена, безусловно не могъ ужъ имѣть въ виду чувственности, непредубѣжденный читатель не въ силахъ уловить какую-либо мистическую иносказательность¹. Хафизъ нѣжно воспѣваетъ розовые цвѣтники своего ненагляднаго города Ширази, воспѣваетъ соловьевъ, весну, любовь, поетъ гимны доброду, бодрящему вину; а на упреки порицателей онъ отвѣчаетъ, что лучше веселиться и безпутствовать, чѣмъ ханжески лицемерить и ловить людей Кораномъ, какъ силкомъ. Наряду съ восторженнымъ весельемъ не разъ разъ слышится у Хафиза тоска отъ измѣнчивости судьбы, отъ тщеты міра, отъ торжества грубой силы и невѣжества, отъ пошлости людской, и т. п.

Все это, какъ веселое, такъ и грустное—обычныя суфійскія темы, и Хафизъ очень многое беретъ отъ своихъ предшественниковъ: у Хафиза не только въ темахъ, но даже иногда въ отдѣльныхъ стихахъ повторяется

¹ Срв. то, что нами выше сказано на стр. XIX—XX.

шейхъ Сенай XI—XII в., повторяется Хейямъ (но у Хафиза нѣтъ желчности Хейяма), Джелаледдинъ Румійскій, Садій въ его лирикѣ, и др. Вся Хафизова слава основана не на творческой оригинальности, а на томъ, что его газели по изяществу отдѣлки и по силѣ художественности признаны у персовъ наиболѣе классическими.

Русскому читателю Хафизъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, предлагался антологически не разъ. Довольно много газелей имѣется въ обработкѣ А. Фета (1866 въ „Русскомъ Словѣ“, II; въ „Собраніи стихотвореній“ 1901, т. III) и, въ несравненно лучшей, тонко-изящной обработкѣ М. Прахова: „Мотивы Гафиза“ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1874, янв.). Нѣтъ сомнѣнія, что всякій русскій читатель, познакомившись съ Хафизомъ черезъ ту обаятельно-нѣжную, феерически-волшебную дымку романтизма, сквозь которую показываетъ Хафиза М. Праховъ, испытаетъ огромное эстетическое наслажденіе; да только это будетъ Хафизъ не подлинный, а переодѣтый въ чужую, хотя бы и очень красивую, рыцарскую нарядную одежду. Настоящій, неприукрашенный Хафизъ выступаетъ въ стихотворномъ видѣ по русски впервые въ переводахъ акад. Ѳ. Е. Корша.

8) Стр. 115—117. Шейхъ Лютфаллахъ Нишапурскій (ум. 1413), младшій современникъ Хафиза, не составляетъ въ персидской литературѣ какого-нибудь знаменитаго имени. Это поэтъ очень мало извѣстный,

таланта второстепеннаго или даже третьестепеннаго, и наибольшей извѣстностью пользуется какъ разъ то стихотвореніе Лютфаллаха про неудачника, которое и перевелъ Ѡ. Е. Коршъ. Стихотвореніе носить автобіографическій характеръ: дѣйствительно, за что бы ни брался Лютфаллахъ Нишапурскій, этотъ ученый дервишъ, набожный до святости,—все ему не удавалось. Но субъективное его стихотвореніе очень понравилось и широкому кругу читателей, потому что очень подходило къ обстановкѣ того татарскаго разоренья, которое увидѣла Персія въ послѣдніе годы жизни старика Хафиза. Изъ Средней Азіи грозно двигался новый покоритель, Желѣзный Хромецъ Тимуръ (1370—1405), и разгромилъ всю Персію. Ужасы, которые сопровождали шествіе завоевателя, носятъ сказочный характеръ; пирамиды изъ головъ украшали пепелища тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ проходилъ. Каждый человѣкъ, видя всюду горе и неудачи, принужденъ былъ подчиняться року и могъ безъ всякихъ натяжекъ повторять относительно самого себя субъективное стихотвореніе шейха Лютфаллаха Нишапурскаго.

IV.

Персидская лирика не угасла и послѣ нашествія Тимура. Въ правленіе его династіи, Тимуридовъ XV вѣка, въ главномъ ихъ городѣ Хератѣ, выросъ и пышно рас-

ивѣль крупный талантъ Джаміі, чрезвычайно разно-
сторонній поэтической творецъ, совмѣстившій въ себѣ
всѣ классическія направленія персидской литературы,—
лирику въ томъ числѣ (1414—1492).

Акад. О. Е. Коршъ ничего не перевелъ изъ Джаміа,
если не считать одной строфы, которую онъ, изъ-за ея
незначительности, не пожелалъ, передъ смертью, вклю-
чить въ изданіе. Его сборникъ долженъ бы, поэтому,
имѣть сѣуженное заглавіе: „Персидскіе лирики до-Тиму-
ровскаго періода“. Чтя память покойнаго, я не рѣшился
нарушить его волю и не помѣстилъ упомянутой Джа-
міевской строфы въ текстъ книги, среди прочихъ пере-
водовъ О. Е. Корша. Но позволяю себѣ привести ее
хотя бы здѣсь, во вводной статьѣ:

Въ сердце мнѣ стрѣла вонзилась
Отъ тебя... и, чуть живой,
Жду теперь я, чтобъ явилась
И сама ты за стрѣлой.

Кромѣ того рѣшаюсь предложить одно стихотвореніе
Джаміа въ своемъ украинскомъ переводѣ съ персидскаго,
на томъ языкѣ, который былъ такъ дорогъ покойному
незабвенному академику:

Я ішов. Ти поклонилась,
Приглядаючись такъ пильно:
— „Добрий день! здорові будьте!“
Привіталася прихильно.

Хтів сказати: „Бери всю душу!“.....

Та гірка моя недоля:

Бачу, знов вона вклонилась,

Тай пішла, струнька тополя!

Одійшла. А я не стямлюсь;.....

В серці, в вухах—те вітання.....—

Ще ж вона до грудей руку

Притулила на прощання!.....

Хтів би бігти, наздогнати,

Стать, як раб, серед дороги,

Хтів би порохом дорожнім

Простелитись їй під ноги.

Так! коротке привітання

Одібрало в мене волю.

Я зробивсь рабом покірним,

Як побачив ту тополю.

А. Крымскій.

Москва, 7 декабря 1915.

АБУ-СЕИДЪ ИБНЪ-АБИЛЬ-ХЕЙРЪ
ХОРАСАНСКІЙ.

(967—1049).

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

1.

Печаль, что душу мнѣ терзаетъ — вотъ она!
Любовь, что всѣхъ врачей смущаетъ—вотъ она!
Та боль, что въ слезы кровь мѣшаетъ—вотъ она!
Та ночь, что вѣчно день скрываетъ—вотъ она!

2.

Просилъ лѣкарства я отъ скрытаго недуга.
Врачъ молвилъ: „Для всего замолкни кромѣ друга.“—
„Что пища?“—я спросилъ.—„Кровь сердца“, былъ отвѣтъ.
„Что бросить слѣдуетъ?“—„И тотъ и этотъ свѣтъ.“

3.

Твой духъ почувяла душа въ струѣ зефира
И, кинувъ здѣсь меня, сама по дебрямъ міра
Пошла тебя искать; а тѣло въ сторонѣ.
Твой духъ она себѣ усвоила вполнѣ.

4.

О Господи, открой мнѣ путь къ подругѣ милой,
Дозволь, чтобъ долетѣлъ къ ней голосъ мой унылый,
Чтобъ та, въ разлукѣ съ кѣмъ не знаю ясныхъ дней,
Была со мною вновь, и я бы вновь былъ съ ней.

5.

Не осуждай, мулла, мое къ вину влеченье,
Мое пристрастіе къ любви и кутежу:
Я въ трезвости веду съ чужими лишь общенье,
А пьяный милую въ объятіяхъ держу.

6.

Бди ночью: въ ночь для тайнъ любовники всѣ въ сборѣ
Вкругъ дома, гдѣ—ихъ другъ, носясь, какъ рой тѣней.
Всѣ двери въ тѣ часы бываютъ на запорѣ,
Лишь друга дверь одна открыта для гостей.

7.

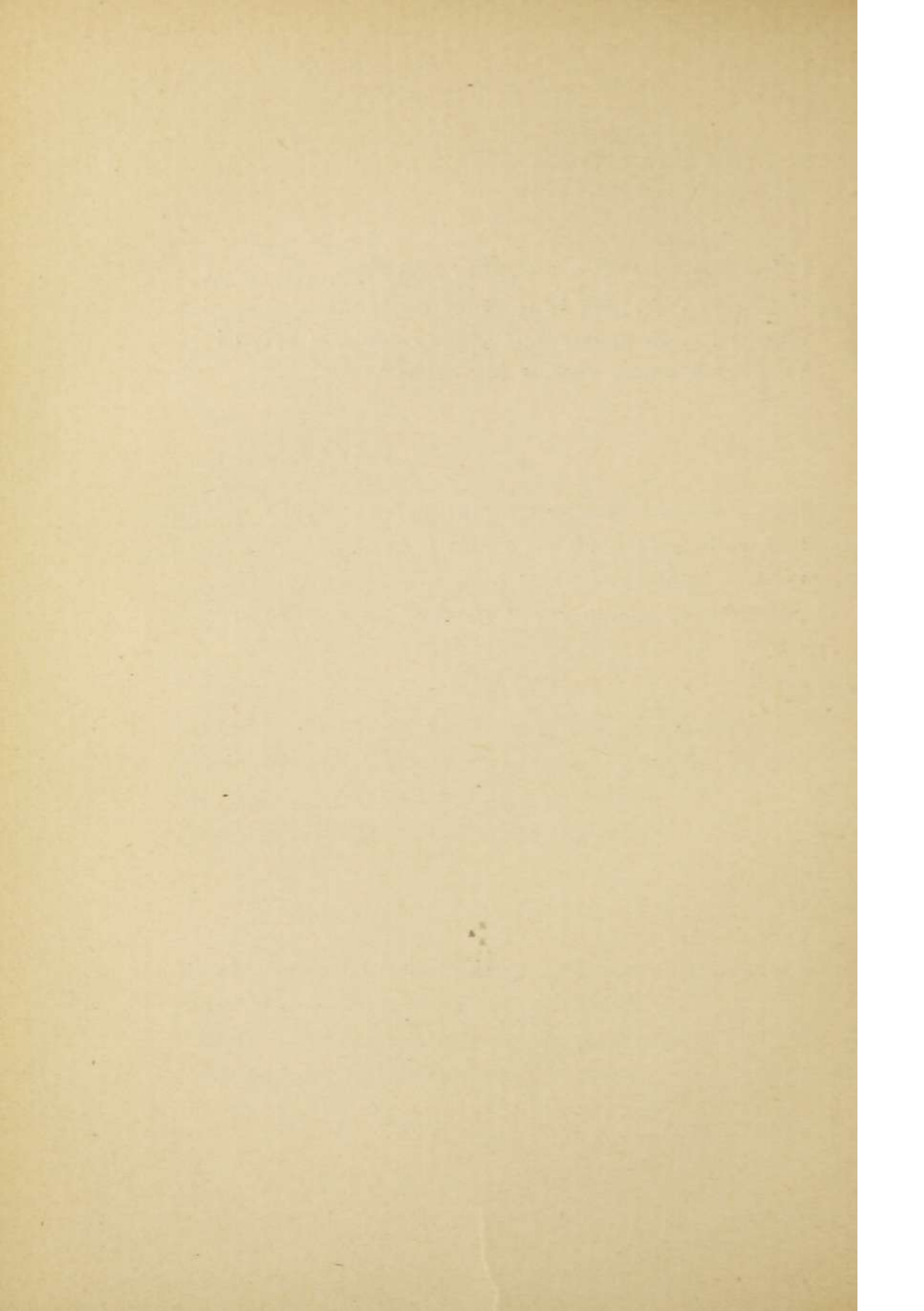
Въ тѣ дни, когда союзъ любви межъ насъ безспоренъ,
Блаженство райское бываетъ мнѣ смѣшно.
Когда бы безъ тебя и рай мнѣ былъ отворенъ,
Мнѣ было бы въ раю и скучно и темно.

8.

Грѣхи мои числомъ—что капли дождевыя,
И стыдно было мнѣ за грѣшное житье.
Вдругъ голосъ прозвучалъ: „Брось помыслы пустые!
Ты дѣло дѣлаешь свое, а Мы—свое.“

9.

Къ познанию Божества прямымъ путемъ идущій
Чуждается себя и въ Богѣ весь живетъ.
Себя не признавай! вѣрь: Богъ единъ есть сущій!
„Божественъ только Богъ“ къ тому же насъ зоветъ.

АБУ-АЛИ ИБНЪ-СИНА

(АВИЦЕННА).

(980—1037).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1951

ЧЕТВЕРОСТИШЯ.

1.

Съ кружкомъ двухъ-трехъ глупцовъ, по этой лишь причинѣ
Въ себѣ прозрѣвшихъ цвѣтъ премудрости земной,
Съ ослами этими въ ослиной будь личинѣ:
Не то—ты еретикъ и грѣшникъ записной.

2.

Мой умъ, хоть странствовалъ не мало въ мірѣ этомъ,
Ни въ волосъ не проникъ, а волны разсѣкалъ.
Солнцъ тысяча въ умѣ сіяетъ яркимъ свѣтомъ,
Но строя атома я все же не позналъ.

3.

Отъ пропастей земли до высей небосклона
Вопросы бытія я всѣ рѣшилъ вполнѣ;
Сдавалась каждая мнѣ хитрость и препона,
Всѣ тайны я раскрылъ, лишь смерть темна и мнѣ.

4.

О, если бы я зналъ, кто я и что такое
И вслѣдъ за чѣмъ кружусь на свѣтѣ какъ шальной!
Мнѣ счастье-ль суждено? тогда-бъ я жилъ въ покоѣ,
А если нѣтъ, тогда-бъ я слезы лилъ рѣкой.

ОМАРЪ ХЕЙЯМЪ.

(Ок. 1040—1123).

Переводы изъ Хейяма принадлежать И. П. Умову, ученику
акад. О. Е. Корша.

1.

Отъ жилищъ невѣрья лишь одно мгновенье
Къ знанію вершинъ;
И отъ тьмы сомнѣнья къ свѣту увѣренья
Только мигъ одинъ.

Познавай же сладость—краткой жизни радость
Въ мимолетный часъ:
Жизни всей значенье—только дуновенье,
Только мигъ для насъ.

2.

Намъ говорятъ, что въ кущахъ рая
Мы дивныхъ хурій обоймемъ,
Себя блаженно услаждая
Чистѣйшимъ медомъ и виномъ.

О, если то самимъ Предвѣчнымъ
Въ святомъ раю разрѣшено,
То можно ль въ мірѣ скоротечномъ
Забыть красавиць и вино?

3.

Я возьму бокаль шипящій,
Полный дара юныхъ лозъ,
И упьюсь до изступленья,
До безумья пылкихъ грезъ.

Вамъ раскрою я, сгарая,
Цѣлый міръ чудесь тогда;
И польется рѣчь живая,
Какъ текучая вода.

4.

Родился я... Но отъ того
Вселенной—пользы нѣтъ.
Умру,—и въ славѣ ничего
Не выиграетъ свѣтъ.

И я донынѣ не слыхаль,
Увы, ни отъ кого,
Зачѣмъ я жилъ, зачѣмъ страдалъ
И сгину для чего.

5.

Я буду пить, умру безъ страха
И хмельный лягу подъ землей,
И аромать вина—изъ праха
Взойдетъ и станетъ надо мной.

Прійдетъ къ могилѣ опьяненный
И запахъ стараго вина
Вдохнетъ,—и вдругъ, какъ пораженный,
Падетъ, упившись до-пьяна.

6.

Мы умремъ, а міръ нашъ будетъ
Въ небѣ странствовать всегда;
Мы жъ по смерти не оставимъ
Здѣсь ни знака, ни слѣда.

Мы не жили во вселенной,—
Міръ вращался и тогда.
И безъ насъ—ему не будетъ
Ни ущерба, ни вреда.

7.

Я дышу юныхъ силъ обаяньемъ
И блистаю тюльпана красой;
Строенъ станъ мой, исполненъ желаньемъ,
Какъ въ саду кипарисъ молодой.

Но увы! Никому неизвѣстно,
Для чего, преисполнивъ огня,
Мой Художникъ Всевышній чудесно
Разукрасилъ для тлѣнья меня?

8.

Суждено тебѣ, о сердце,
Вѣчно кровью обливаться
Суждено твоимъ терзаньямъ
Скорбью горькою смѣняться.

О, душа моя! зачѣмъ же
Въ это тѣло ты вселилась?—
Иль затѣмъ, чтобъ въ часъ кончины
Безвозвратно удалилась?!

9.

Книга юности закрыта,
Вся, увы, ужъ прочтена.
И окончилась навѣки
Ясной радости весна.

И когда же прилетала
И къ отлету собралась
Птица чудная, что сладко
„Чистой юностью“ звалась?!

10.

Промчались жизни беззаботной
Дни, рокомъ данные въ удѣль.
Какъ будто вѣтеръ мимолетный
По полю жизни пролетѣль.

О чемъ скорбѣть?—Клянусь дыханьемъ,
Есть въ жизни два ничтожныхъ дня:
День, ставшій мнѣ воспоминаньемъ,
И—не наставшій для меня.

11.

Я самъ съ собой въ борьбѣ, въ смятеньи,
Всегда, всегда!
Что дѣлать мнѣ? За преступленья
Я полнъ стыда!

О, пусть Ты полонъ всепрощенья,—
Но въ глубинѣ
Ты видѣлъ все,—и я въ смущеньи,
Что дѣлать мнѣ?!

12.

Если тщетны упованья
И надежды и мечты,—
Такъ зачѣмъ тогда старанья
Въ этомъ мірѣ суеты!

Мы приходимъ къ цѣли поздно.
Не успѣемъ отдохнуть—
Какъ судьба твердитъ ужъ грозно:
„Вновь пора пускаться въ путь!“

13.

И ночи смѣнялися днями
До насъ, о мой другъ дорогой;
И звѣзды свершали все такъ же
Свой кругъ, предрѣшенный судьбой.

Ахъ, тише! Ступай осторожнѣй
На пыль подъ ногою твоей:
Красавицъ ты прахъ попираешь,
Останки ихъ дивныхъ очей.

14.

Къ тебѣ, о Небо-Колесница,
Несется плачь и горькій стонъ;
Давно надъ смертными глумится
Неотвратимый твой законъ.

О, если бь грудь твою раскрыли,
Земля, Земля! какъ много мы
Нашли бь останковъ въ слоѣ пыли,
Какъ кладъ безцѣнный въ безднахъ тьмы.

15.

Укройте меня подъ землею,
Когда успокоюсь навѣкъ;
Не ставьте камней надо мною,
Чтобъ помнилъ меня человѣкъ.

Но прахъ мой, ту брентную глину,
Смѣшайте съ душистымъ виномъ,
Слѣпите кирпичъ, и кувшину
Послужитъ онъ крышкой потомъ!

16.

Ничтоженъ мѣръ, и все ничтожно,
Что въ жалкомъ мѣрѣ ты позналъ;
Что слышалъ—суетно и ложно,
И тщетно все, что ты сказалъ.

Ты мыслилъ въ хижинѣ смиренной.
О чемъ? къ чему?—Ничтожно то.
Ты обошелъ концы вселенной,—
Но все предъ Вѣчностью—ничто.

17.

Взгляни же: я жилъ во вселенной,
Но выгодъ не вѣдалъ мірскихъ;
Я мучился жизнью мгновенной,
Но благъ не позналъ никакихъ;

Горѣлъ я, какъ свѣточъ веселья,
Погасъ, не оставивъ слѣда;
Разбился, какъ чаша похмелья,
Въ ничто обратясь навсегда.

18.

Прощаясь съ морскими волнами
Какъ будто предъ долгой разлукой,
Заплакала капля; а Море
Смѣялось надъ дѣтскою мукой:

„Не плачь! Я вездѣ во вселенной
Питаю озера и рѣки:
Ты послѣ разлуки мгновенной
Вновь будешь со Мною навѣки“.

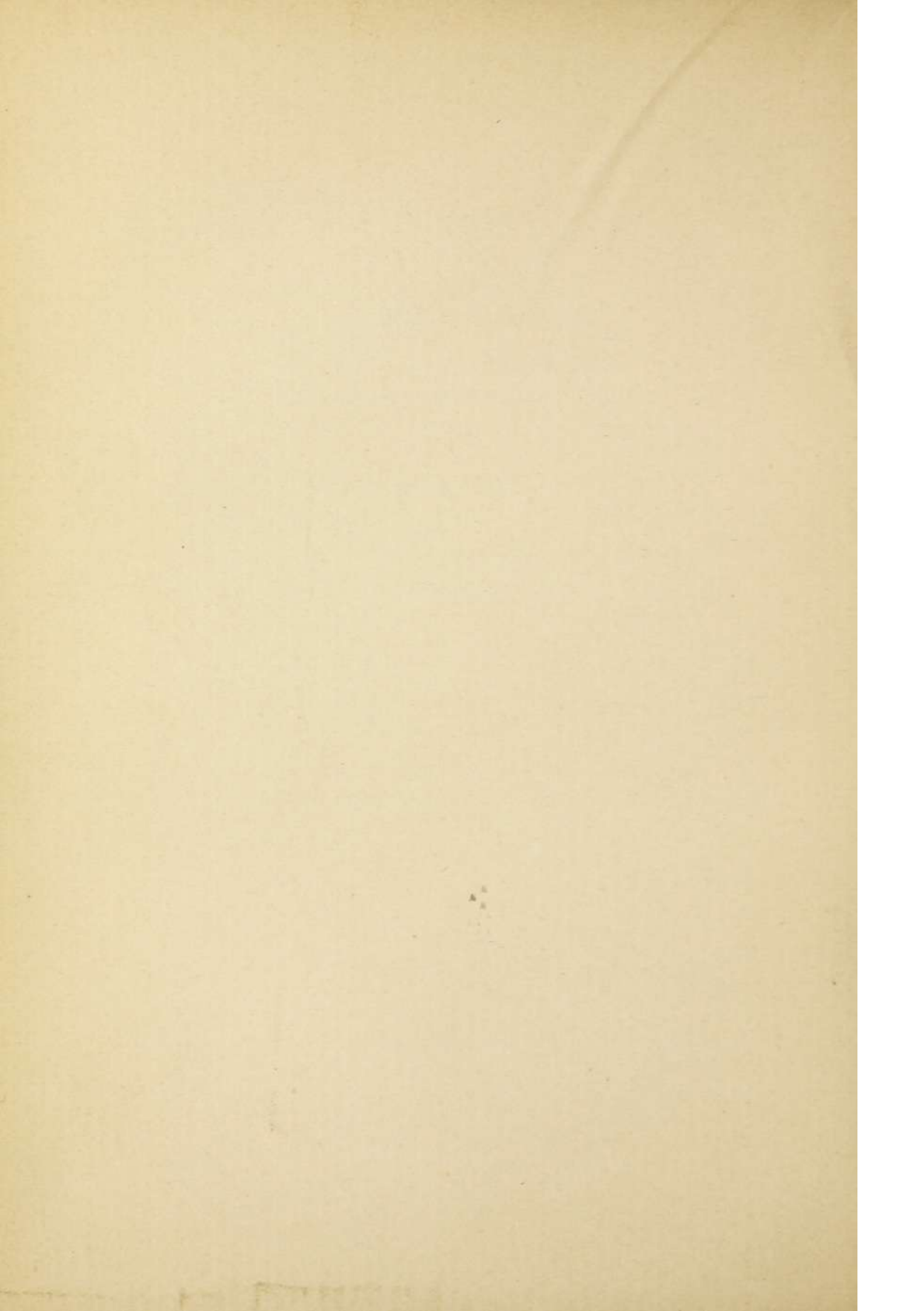
19.

Ту тайну дивную свою
Отъ всѣхъ я утаю.
То слово краткое облечь
Не въ силахъ ваша рѣчь.

Сіяютъ страны предо мной...
Но нѣмъ языкъ земной:
О чудѣ тайнъ, что вамъ не знать,
Не въ силахъ рассказать!

ХАКАНІЙ.

(1106—1199).

ЧЕТВЕРОСТИШЯ.

1.

Любовь—это птица, искусная въ пѣсняхъ о горѣ,
Любовь—соловей, обученный нездѣшнимъ рѣчамъ,
Любовь—бытіе съ бытіемъ о душѣ твоей въ спорѣ,
Любовь—это то, чѣмъ себя упраздняешь ты самъ.

2.

Вторгается въ сердце недугъ, мной извѣданный прежде,
И, вторгшись, теперь не затихнетъ, какъ прежней порой.
Ищу я лѣкарства, но въ тщетной лишь мучусь надеждѣ;
Стремлюсь я къ покою, но мнѣ недоступенъ покой.

3.

Печали моей и веселью она лишь виною;
И строгость и милость ко мнѣ—ея дѣло сполна.
До смерти измѣнной союза я съ ней не разстрою.
Такъ мной рѣшено; а что ею—то знаетъ она.

4.

Ты роза, а я соловей, вдохновляемый страстью;
И сердце и пѣсню тебѣ я одной отдаю.
Вдали отъ тебя я молчу, покоряясь несчастью;
Лишь послѣ свиданья съ тобою я вновь запою.

5.

Сегодня любовью терзается сердце такъ больно,
Что трудно до завтра ему до тебя дотянуть.
Я самъ его подъ ноги бросилъ тебѣ добровольно...
Но рѣчи излишни; о немъ только можно вздохнуть.

6.

Въ союзъ нашъ проникла отравя отъ глаза дурного;
Сторонимся мы другъ отъ друга подобно чужимъ;
При встрѣчѣ намъ трудно найти надлежащее слово;
Но оба мы знаемъ, какъ оба мы втайнѣ скорбимъ.

7.

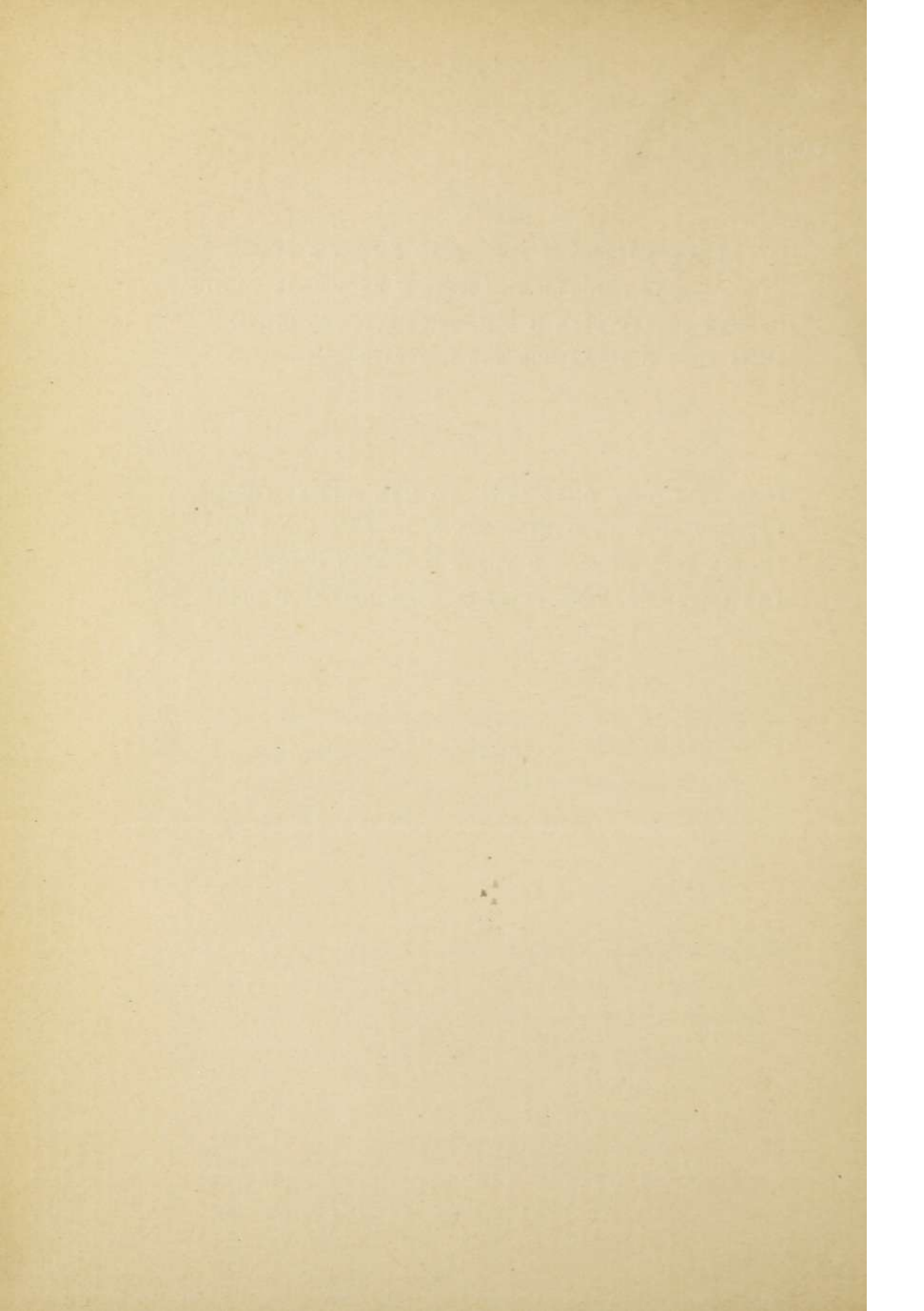
Покинь этотъ міръ, гдѣ сильнѣйшіе къ слабымъ суровы,
Изъ мѣста печали бѣги съ ликованьемъ въ груди.
Даль рокъ тебѣ душу, и съ нею ты принялъ оковы;
Верни ее року—и вольнымъ созданьемъ уйди.

8.

О сжался, убей меня такъ, если смерти я стою,
Чтобъ жизни источникъ мечталъ я въ убійцѣ найти:
Виномъ своихъ усть и чарующей взоровъ игрою
Меня упои и тогда мои дни прекрати.

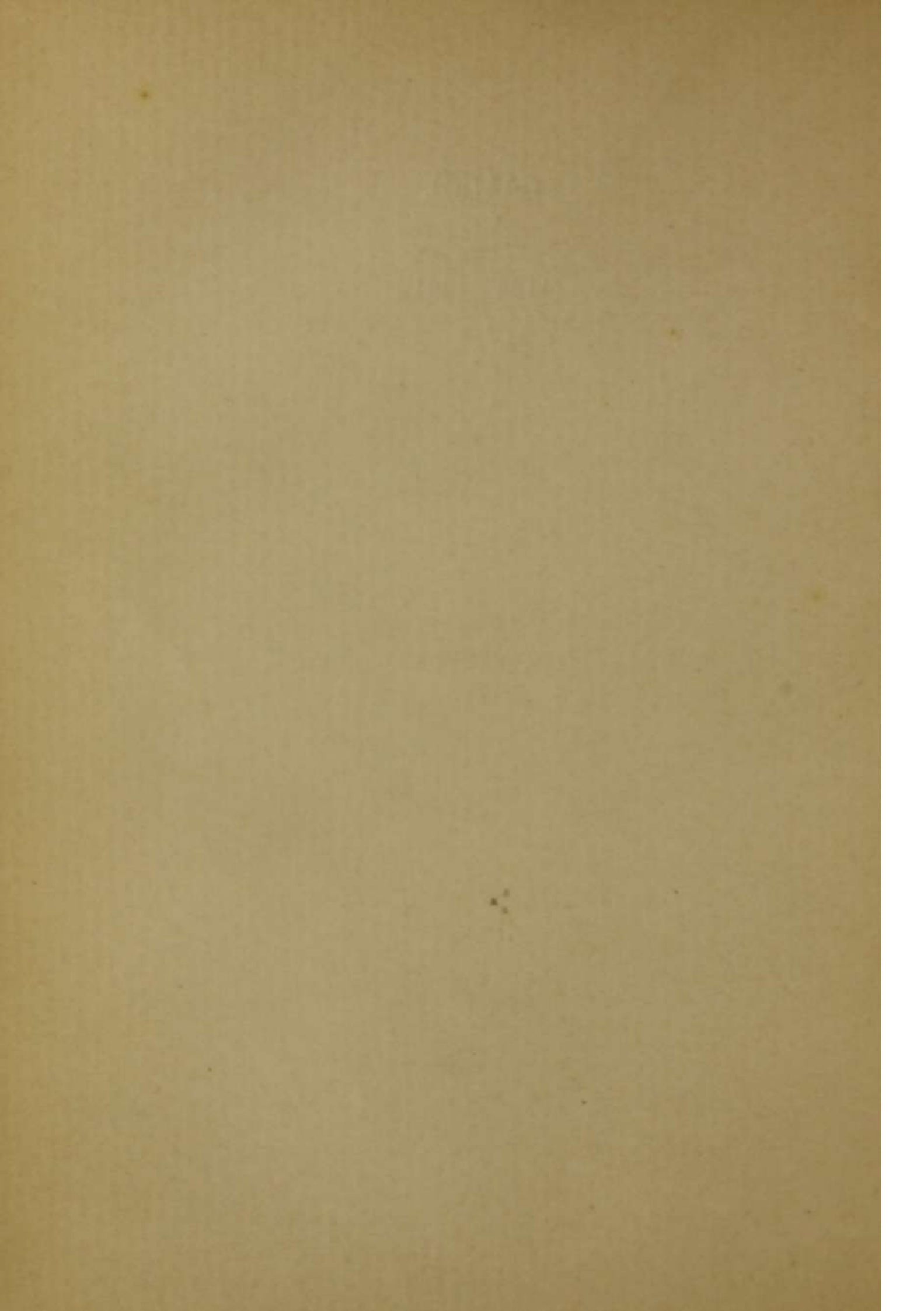
9.

Пока еще живъ былъ огонь во мнѣ юности смѣлой,
Безумно порхалъ мотылькомъ я, не зная что страхъ.
Погасъ тотъ огонь,—и упалъ мотылекъ обгорѣлый;
Гдѣ были они, тамъ остались лишь пепель и прахъ.

СААДІЙ.

(1184—1291).

КАСЫДЫ.

1.

Пусть чары подруги иль края
Душой не владѣють твоей:
Обширна поверхность земная,
И много на свѣтѣ людей.

Нѣтъ пса городского, который
Напастей бы всякихъ не несъ
Затѣмъ, что не рыщетъ со сворой
Въ поляхъ, какъ охотничій песъ.

Ланиты-ль румяныя рѣдки?
И обликовъ нѣжныхъ черты?
Иль — въ роцѣ зеленыя вѣтки?
Въ оградахъ садовыхъ — цвѣты?

Какъ курица, льнешь ты къ порогу,
Терпя, что пошлетъ тебѣ рокъ;
Не лучше-ль пуститься въ дорогу,
Какъ быстрый летунъ-голубокъ?

Вездѣ лишъ на мигъ очарованъ,
По рощамъ порхай соловьемъ;
Не мѣшкой, любовью прикованъ,
Какъ цапля въ болотѣ своемъ.

Земля переноситъ удары
Воловьихъ и ослихъ копытъ,
За то лишъ достойная кары,
Что съ небомъ кругомъ не бѣжитъ.

Хотя бы попалось и много
Красавицъ тебѣ на пути,
Взгляни и своею дорогой
Спѣши равнодушно пройти.

Вращайся во всякомъ народѣ,
Со всѣми смѣясь безъ заботъ,
Но сердце держи на свободѣ, —
Иль горе съ любовью придетъ.

Атласамъ, шелкамъ, какъ новинкѣ,
Дивиться ты можешь подчасъ,
Но помни при томъ, что на рынкѣ
Не рѣдки ни шелкъ, ни атласъ.

Какъ конь или мулъ, тотъ подвиженъ,
Кто къ странствіямъ вольнымъ привыкъ;
Не слѣпъ онъ, не глухъ, не униженъ,
Какъ жёрнова двигатель — быкъ.

Свободному мало охоты
Въ оковы дать тѣло свое;
Безпечный зачѣмъ на заботы
Спокойное смѣнить житье?

Слугою ты сталь у подруги,
Она же не цѣнитъ тебя:
Къ чему предлагать ей услуги,
Души своей цѣну губя?

Блаженъ, кто въ ночную лишь пору
Лелѣетъ ее на груди
И, вѣрность блюдя къ уговору,
На утро ей скажетъ: „Иди!“

А если у милой въ неволѣ
Ты стонешь, безъ пользы любя,
Ты самъ виноватъ въ своей долѣ,
Взваливъ тяготу на себя.

Когда подъ рукой моей гряда
Плодовъ, и все сладкихъ какъ медь,
Сажать ли мнѣ зелье, откуда
Лишь горькій рождается плодъ?

Подруга ли радостна будетъ,
А я — удрученъ и угрюмъ?
Ея ли печаль не разбудить,
А я не засну изъ-за думъ?

Попавшійся въ сѣти любезникъ
Находитъ двойникъ себѣ въ томъ,
Кого на арканѣ наѣздникъ
Влечетъ за собою пѣшкомъ.

Я взялъ бы любовь не на время,
Чтобъ ноши посбавили мнѣ;
Не баринъ мнѣ нуженъ, чье бремя
Таскалъ бы я вѣкъ на спинѣ.

Какъ милая ступить изъ круга
Велѣній взаимной любви,
Она ужъ тебѣ не подруга,
И съ нею ты связь разорви.

Чье сердце меня не жалѣло
Въ дни страха и скорби моей,
Какое быть можетъ мнѣ дѣло
До страховъ его и скорбей?

И если мнѣ другъ мой безстыдно
Обиды чинить, что ни шагъ,
Откуда мнѣ можетъ быть видно,
Кто другъ и кто лютый мой врагъ?

А если любовница хочетъ
Казаться твоею рабой,
То знай, что тебя лишь морочить,
Въ душѣ потѣшаясь тобой.

Что значать ея всѣ привѣты? —
Ловець то готовить силокъ.
Что значать мольбы и обѣты? —
Воръ мѣтитъ на твой кошелекъ.

Въ любовь неизмѣнную вѣря,
Не тратся, чтобъ не было бѣды:
Грозить тебѣ денегъ потеря,
А милой простынетъ и слѣды.

Мгновенный восторгъ не покроеть
Страданья безчисленныхъ дней;
Пирушка ночная не стоитъ
Похмелья на утро за ней.

Въ началѣ затѣи ты зрѣло
Послѣдствія всѣ обсуди;
Не то — какъ покончится дѣло,
Раскаянье ждетъ впереди.

Такимъ же, какъ ты, подчиненье
Желаній и мыслей и словъ
Не то же ли, что поклоненье
Любому изъ ложныхъ боговъ?

Поводья ума безразсудно
Страстямъ не вручай ни на мигъ:
Къ любви тотъ склоняется трудно,
Кто мудрости трезвой достигъ.

Мнѣ эти страданья — не диво:
Терялъ ужъ отъ нихъ я покой.
Бѣжить отъ веревки пугливо
Кто разъ былъ укушенъ змѣей.

Лишь око на милую взглянетъ,
А сердце влетитъ въ ея сѣть, --
Ни сердце любить не устанетъ,
Ни око смотрѣть и смотрѣть.

Здѣсь путь разумѣнья такъ ясенъ,
Такъ простъ, что сомнѣнья въ немъ нѣтъ;
Да жаль: для влюбленныхъ напрасенъ
Ихъ чувству противный совѣтъ.

И пѣшій вѣдь конному въ полѣ
Не пара, но пѣтелей влекомъ,
Упавъ, онъ встаетъ поневолѣ
И снова бѣжитъ за конемъ.

* * *

Однажды я съ думой такою
Всю ночь просидѣлъ до зари,
Внимая жестокому бою
Двухъ разныхъ влеченій внутри.

Корысть мнѣ упорно твердила:
„Къ любви побуждаетъ людей
Плѣнительной внѣшности сила,
Какъ женщинъ и малыхъ дѣтей.“

Но вотъ, ужъ когда отъ любезной
Бѣжать я, казалось, былъ радъ,
Меня, какъ уздою желѣзной,
Вдругъ Вѣрность свернула назадъ,

Сказавъ мнѣ: „Такое рѣшенье
Достойно лишь мелкой души.
Загладить свое прегрѣшенье
Молитвой усердной спѣши.“

Схвативъ меня, Право пріязни
Мнѣ бросило тяжкій укоръ:
„Въ измѣну, достойную казни,
Ты впалъ, сокрушивъ договоръ.“

Моя ли вина, что онъ хрупокъ
Въ твоихъ оказался рукахъ?
Дерзнетъ ли на этотъ поступокъ
Въ комъ есть передъ совѣстью страхъ?

Найдется любовниковъ мало,
Любезной невѣрныхъ своей;
Супруговъ ли много бывало,
Бѣжавшихъ отъ нѣжныхъ цѣпей?

Бездушіемъ камню подобень,
Кто съ милой готовить разрывъ;
Безчувственъ, кто сердце способенъ
Отнять, его разъ подаривъ.

Чью душу влечетъ къ себѣ роза,
Ставъ цѣлью его бытія,
Стремленьямъ того не угроза —
Жестокій удѣлъ соловья.

Какъ хочешь, люби осторожно, —
Нещадны людей языки.
Такъ розу сорвать невозможно,
Шипомъ не поранивъ руки.

Что деньги и прелести свѣта?
Что вѣра и совѣсть и кровь?
Не будь твоимъ ласкамъ запрета —
И все ты отдай за любовь.

И если враги за спиною
Трубятъ твоей милой позоръ,
Не вѣрь ихъ злорадному вою:
Ихъ цѣль — между вами раздоръ.

Лихихъ языковъ не привяжетъ
И ртовъ не прикроетъ никто;
Ты слушай, что милая скажетъ,
А прочихъ не ставь ни во что.

Обиженный ею, ты съ вида
Будь добръ, усмѣхайся, шути.
Излишній совѣтъ! вѣдь обида
Не можетъ отъ милой притти.

Не льсти себѣ впредь ожиданьемъ,
Что кончишь съ любовью расчетъ:
Отказъ отъ вины за признаньемъ
Тебя на судѣ не спасетъ.*

* * *

Изъ кладовъ духовныхъ поэта
Неся для влюбленныхъ запасъ
Жемчужинъ мечты и совѣта,
Корабль отплываетъ сейчасъ.

Никто по словамъ да не судить,
Что я и мудрецъ и святой;
Въ комъ есть разумѣнье, не будетъ
Случайной обмануть мечтой.

Не вѣрь, что старуха не хочетъ
Плодовъ, свой блюда лишь зарокъ:
Хоть зубы на нихъ она точить,
Да ей не по росту сучокъ.

Кто жадно достатокъ свой множить
И копить ревниво казну,
Тотъ лучшему другу не можетъ
Открыть беззавѣтно мошну.

Тебѣ, Саади, драгоцѣнный
Врученъ Провидѣніемъ кладъ;
Владыкѣ всѣхъ кладовъ вселенной
Служи и не требуй наградъ.

* * *

Но полно, довольно объ этомъ,
И къ пѣснѣ любви подойди;
Искуснымъ слывешь ты поэтомъ:
Другое запой, Саади:

— „Гдѣ та, чьи такъ сладостны рѣчи,
Скрывается съ давнихъ ужъ поръ?
Зачѣмъ въ ожиданіи встрѣчи
Напрасно блуждаетъ мой взоръ?“

2.

Пріятна жизнь, но близко ей —
Увы!—предѣлъ положень.
На этотъ срокъ немногихъ дней
Какой расчетъ возможенъ?

Подобенъ кедру стань прямой
И гибкій челоуѣка,
Но юной силой и красой
Гордится не до вѣка.

Благоуханна и ясна
Цвѣтетъ прелестно роза,
Но жизнь—ты знаешь—ей дана
Короткая, какъ греза.

Овцой, безпечною къ себѣ,
Не мысля о засадѣ,
Ты вѣришь пастырю-судьбѣ,
Она же—волкъ при стадѣ.

Въ примѣрахъ есть ли здѣсь нужда?
Они даются сами;
Судьбы коварная вражда
У всѣхъ передъ глазами.

Когда же вешній вѣтерокъ,
Повѣявъ надъ землею,
Мѣшалъ гудѣть въ осенній срокъ
Осенней бури вою?!

Хоть будь ты царь и властелинъ
Пространства всей вселенной,
Не могъ бы на день лишь одинъ
Продлить ты вѣкъ свой тлѣнный.

О, путникъ, помни, что осѣсть
Нельзя на мѣстѣ стана:
Надолго строить домъ не есть
Обычай каравана.

Будь жизнь—одинъ веселый пиръ,
А врагъ твой—наготовѣ,
Не скажешь ты, что этотъ міръ
Надеженъ въ данномъ словѣ.

Кто сердце Богу посвятилъ,
Тотъ жаждетъ міръ оставить:
Бродить по волѣ грубыхъ силъ
Не значить міромъ править.

[Будь молчаливъ, чтобъ не довелъ
Языкъ тебя до ада:
Языкъ въ средѣ житейскихъ золь —
Носитель главный яда.]

Свершай завѣтъ своей мечты
Безъ вывѣски нескромной:
Укрыть вѣрнѣе будешь ты
Безвѣстностію темной.

Въ нуждѣ мольбу носи къ Тому,
Надъ Кѣмъ невластны нужды;
Благочестивому уму
Къ другимъ молитвы чужды.

Неправъ, кто въ дружбѣ хоть земной
Небреженъ и злонравенъ;—
Что-жъ, если другъ забыть такой,
Кому никто не равенъ?!

О Саади, тебѣ сердца
Стяжалъ твой мечъ словесный;
Благодари за то Творца:
Успѣхъ есть даръ небесный.

Самъ Тигръ отсталъ отъ славы той,
Какой я возвеличенъ:
Онъ быстръ, однако бѣгъ такой
И Тигру не обыченъ.

Не всякій, кто затѣетъ споръ
Со мной, достигнетъ цѣли:
Когда же сила и задоръ
Одни взять верхъ умѣли?

3.

О, караванщикъ, не спѣши:
Уходить мѣръ моей души,
И сердце, бывшее со мной,
Летить за милой въ край чужой.

Я силой чаръ и тайныхъ словъ
Скрыть рану сердца былъ готовъ;
Но коль бы въ томъ успѣть я могъ?
Ужъ кровь бѣжитъ черезъ порогъ.

И вотъ я съ милой разлученъ
И злою мукой удрученъ,
Какъ будто жало иль копье
Прошло сквозь тѣло вдругъ мое.

Со мной подруги больше нѣтъ;
Померкнулъ дней веселыхъ свѣтъ;
Страсть душу жжетъ лютой огня
И дымомъ вьется вокругъ меня.

Хотя подруга холодна,
Хоть прежнимъ клятвамъ невѣрна,
Но мысль о ней во мнѣ жива
И рвется силою въ слова.

О, караванщикъ, ты жестокъ!
Не приближай разлуки срокъ!
Такъ связанъ съ милой я своей,
Что жизнь моя уходитъ съ ней.

Вернись, красавица, назадъ,
Чтобъ тѣшилъ вновь тобой я взглядъ,
Чтобъ эти жалобы съ земли
До сферъ небесныхъ не дошли.

Исходъ души изъ плотскихъ путь
Разказовъ тьмы передаютъ;
Я видѣлъ самъ, какъ, вдаль спѣша,
Меня покинула душа.

— „О Саади, забудь печаль
О той, кому тебя не жаль!“
Пусть будетъ такъ, но этотъ стонъ
Изъ сердца мукой извлеченъ.

4.

Я не зналъ, что ты сурова
И способна на измѣну.
Не давать ужъ лучше слова,
Чѣмъ унижить клятвы цѣну.

Говорили мнѣ тревожно,
Что любовь моя напрасна;
Но тебя спросить имъ можно:
Для чего ты такъ прекрасна?!

О каратель заблуждений
На пути за красотою!
Въ этомъ морѣ всякихъ мнѣній
Какъ сойдемся мы съ тобою?

Не кудрей извивы сами,
Не улыбки устъ прелестныхъ
Торжествуютъ надъ умами,
А красоть въ нихъ тѣнь небесныхъ.

Чарь природныхъ не скрывая,
Будь и намъ утѣхой взора:
Вѣдь красавица такая
Жить не можетъ безъ простора.

Постучаться мнѣ опасно:
Вижу здѣсь враговъ я стаю;
Подойти къ дверямъ негласно
Лишь какъ нищій я дерзаю.

Сплетни, бѣдность, униженье
И любви терплю я муки;
Но боюсь: мое терпѣнье
Изнеможетъ отъ разлуки.

Въ праздный день гулять не стыдно;
Въ поле всѣ спѣшатъ гурьбою;
Сердца въ городѣ не видно
Не плѣннаго тобою.

Чтобъ сказать лишь, чѣмъ болѣю,
Я желалъ съ тобой свиданья;
Но сказать я что сумѣю?
Ты со мной,—и нѣтъ страданья.

Ты со мной—гасить ли свѣчи,
Чтобъ враги насъ не видали?—
Блескъ твой мѣсто нашей встрѣчи
Скрыть позволитъ намъ едва ли.

Саади тебѣ ль измѣнникъ?
Онъ не ищетъ лучшей доли;
Знаетъ онъ, твой давній плѣнникъ:
Этотъ плѣнъ пріятнѣй воли.

Мнѣ твердятъ: „люби другую!
У одной не будь въ опекѣ!“
Какъ играть игру двойную
Да еще при Атабекѣ?

ГАЗЕЛИ.

1.

Другъ—тотъ, кого не тяготитъ суровый нравъ подруги,
Кто жить готовъ не для себя, а для забавъ подруги.

Любовникъ вѣрный подъ мечомъ не выскажетъ признанья,
Себѣ на шею безъ вины вину принявъ подруги:

Въ стремленьи къ пользѣ лишь своей подругу брать не честно;
Пусть я умру, сгубивъ себя, но не предавъ подруги!

Слыхаль я прежде, что иныхъ любовниковъ въ пустыню
Загнали толки злыхъ людей и тяжкій нравъ подруги;

А мнѣ знакомъ одинъ лишь путь:—въ тотъ край, гдѣ домъ любезной;
Одинъ покой—когда лежу, къ ногамъ припавъ подруги.

Любовь къ подругѣ, говорятъ, во время розъ пріятна;
А я ни мига не живу, въ душѣ не звавъ подруги.

Бездушный садъ не веселить, и въ немъ тоскуеть зритель,
Межъ сотней розовыхъ кустовъ не отыскавъ подруги.

О, вѣтеръ, если полетишь ты вертоградомъ духовъ,
Напомни ей, что старый другъ блюдетъ уставъ подруги.

Я тайны мукъ своей любви ни съ кѣмъ не раздѣляю —
Она — твоя; я нарушать не буду правъ подруги.

Всѣ любятъ общество людей, а Саади — свой уголь:
Людей бросаетъ человѣкъ, слугою ставъ подруги.

АРАБСКО-ПЕРСИДСКАЯ „ПЕСТРАЯ КАСЫДА“.

О жаждѣ спроси у скитальца въ пустынь, изсохшей отъ зноя:
Какъ цѣну водѣ ты узнаешь, у тока Ефратскаго стоя?

Съ тобою мнѣ вечеръ—что утро: ты свѣтъ проливаешь мнѣ въ очи;
Когда же меня ты покинешь, мнѣ дни безразличны и ночи.

Хоть былъ отъ тебя я далеко, надеждъ не бросалъ я нимало:
Года уходили, а сердце твой близкій возвратъ обѣщало.

Не видно межъ насъ и не слышно, кто могъ бы равняться съ тобою,
И если ты—точно изъ праха,—живой замѣшёнъ онъ водою.

Я въ темныя ночи разлуки надѣюсь на утро свиданья:
Кто жаждетъ источника жизни, во мракъ да направитъ исканья.

Ты горечью жизнь отравляла,—подносишь и сладкій мнѣ кубокъ:
Суровый отвѣтъ не естественъ изъ алыхъ плѣнительныхъ губокъ.

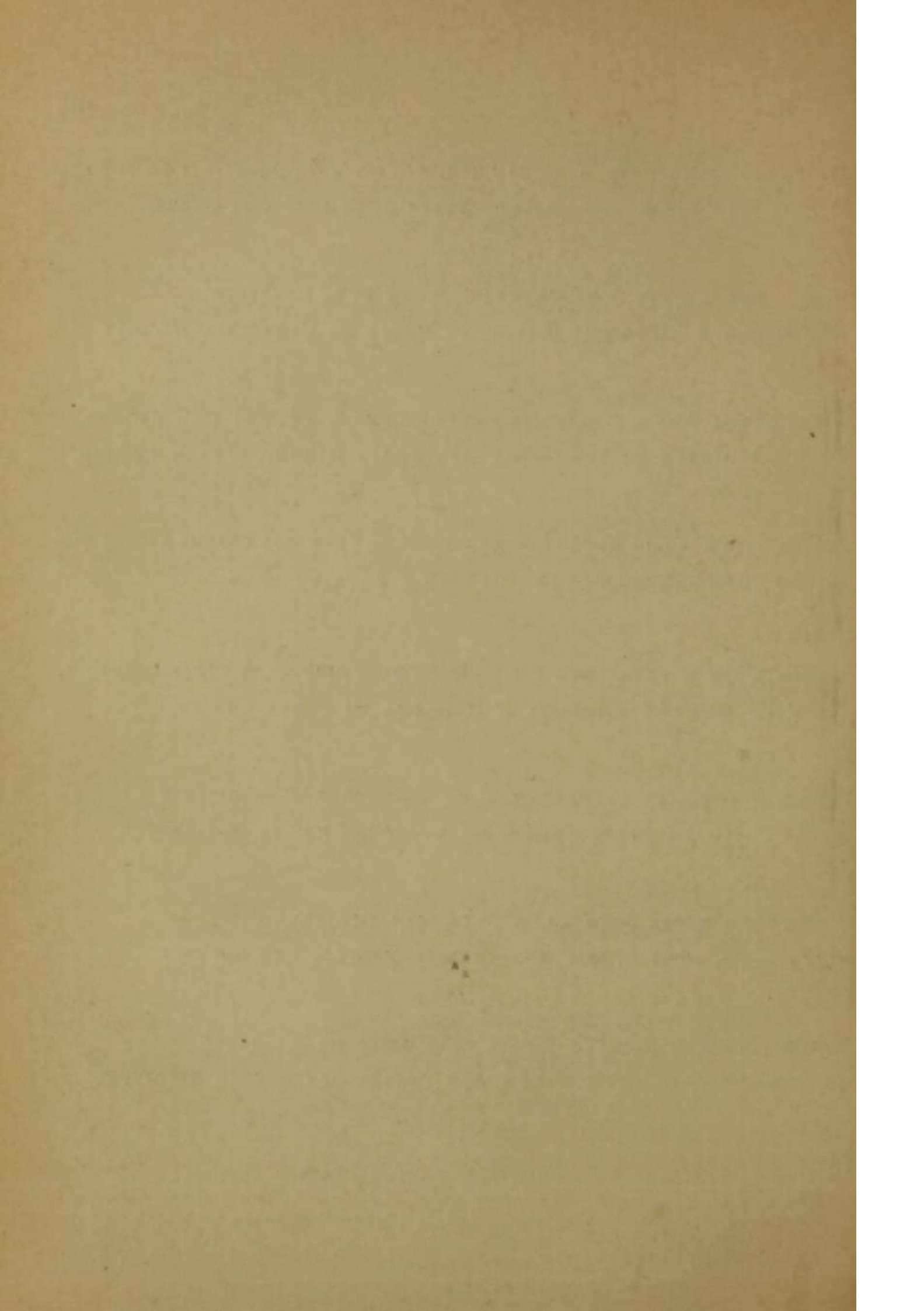
Не въ этотъ лишь вѣкъ мой короткій къ себѣ мое сердце влекла ты:
Плоды созерцая, постигнуль обѣихъ я розъ ароматы.

Воспѣль бы я такъ, какъ ты хочешь, достоинство всякихъ созданій,
Но какъ же тебя восхваляю я? превыше ты всѣхъ описаній.

Боюсь я тебя, но съ надеждой къ тебѣ возсылаю моленья
Затѣмъ, что ты петля печали, но вмѣстѣ и ключъ избавленья.

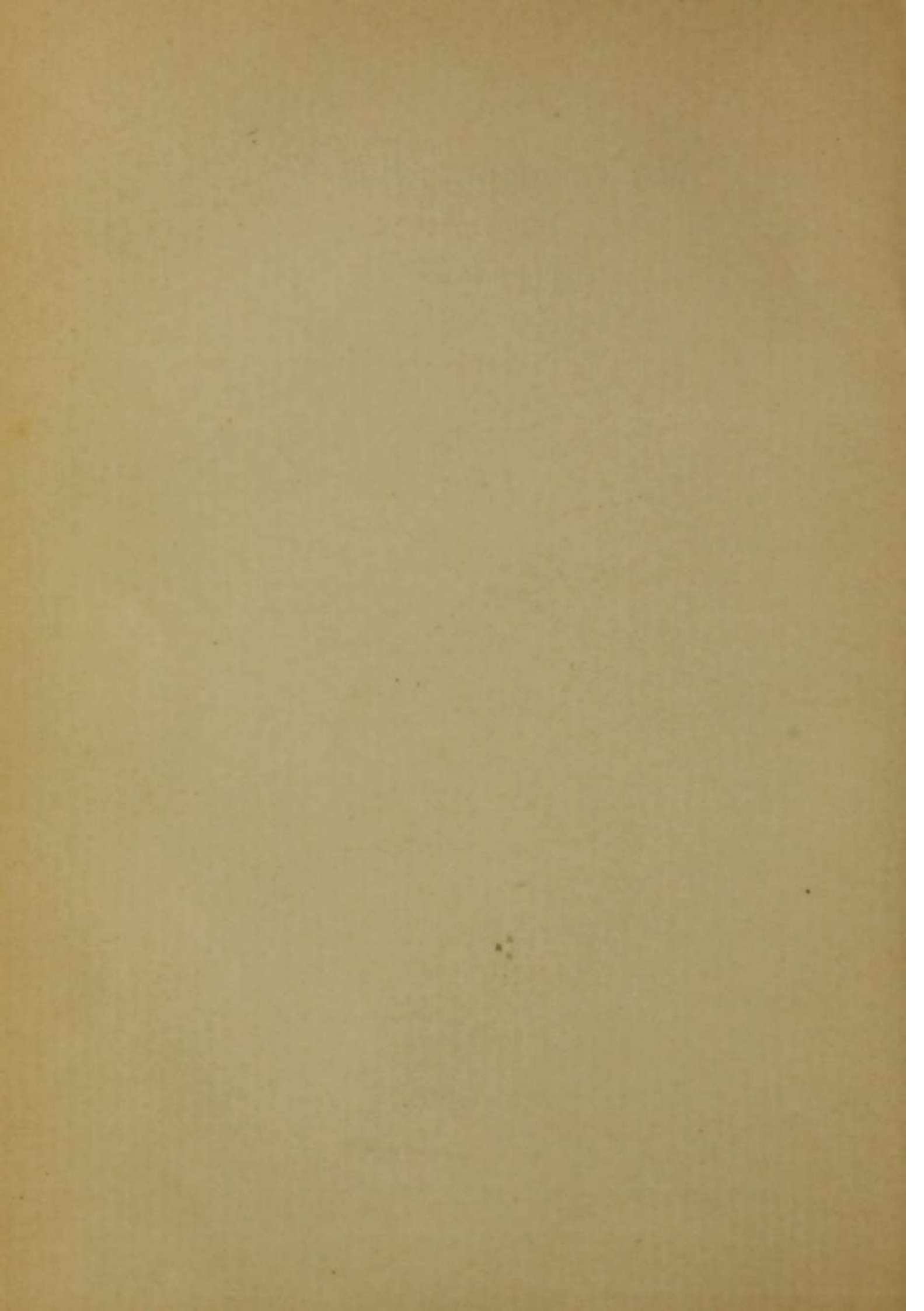
Лишился я взора подруги, и рады мои лиходѣи;
Друзья отъ меня отказались: врагамъ удались ихъ затѣи.

Стихи Саади о разлукѣ ужель тебя вовсе не тронуть?
А если скажу я ихъ птицамъ, всѣ гнѣзда отъ пѣсенъ застонуть!

ДЖЕЛЯЛЕДДИНЪ РУМІЙ.

(1207—1273).

ИЗЪ „МЕСНЕВИ“.

1.

Былъ нѣкогда купецъ; держаль онъ попугая.
Тотъ не на волѣ жилъ, а въ клѣткѣ изнывая.

Когда собираться въ путь пора купцу пришла
(Имѣль онъ съ Индіей торговыя дѣла),

Имъ не былъ обойденъ никто изъ челядинцевъ,
Чтобы узнать, кому какихъ везти гостинцевъ.

И каждому изъ нихъ, кто даръ свой назначаль,
Исполнить просьбу онъ охотно обѣщаль.

И птицу онъ спросилъ: „Нужда твоя какая?
Что изъ индѣйскаго добыть ты хочешь края?“

Отвѣтилъ попугай: „Коль встрѣтишь по пути
Ты попугаевъ тамъ, о томъ ихъ извѣсти,

Что есть-де попугай, свою клянущій долю:
Судьба его ко мнѣ закинула въ неволю.

Онъ просить васъ о томъ, со мной пославъ поклонъ,
Чтобъ вы наставили, что дѣлать долженъ онъ;

Онъ говоритъ: „Ужель назначено мнѣ въ мукѣ
Заглохнуть здѣсь, живя съ собратьями въ разлукѣ?

И справедливо-ль то, чтобъ я хирѣлъ одинъ,
Когда вашъ вѣкъ течетъ средь рощъ и луговинъ?

Таковъ ли долгъ друзей и къ другу сердоболье,
Чтобъ мнѣ была житьемъ тюрьма, а вамъ—раздолье?

Счастливы, вспомните объ участи моей
На утренней зарѣ, подъ сѣнію вѣтвей!“

Купецъ почтенный далъ согласье попугаю
Поклонъ его и рѣчь снести въ родную стаю.

И вотъ, когда достигъ индѣйскихъ онъ границъ,
Въ пустынь нѣсколько такихъ же встрѣтилъ птицъ;

Коня остановивъ и крикнувъ въ видѣ зова,
Ихъ брата просьбы всѣ имъ передалъ до слова.

Какой-то попугай всѣмъ тѣломъ задрожалъ,
Свалился и дышать мгновенно пересталъ.

Купецъ тутъ осудилъ свое съ нимъ обращенье:
„Живую тварь мое сгубило посѣщенье!

Быть можетъ, родственникъ онъ птички былъ моей?
Иль былъ то духъ одинъ въ тѣлахъ двоихъ друзей?

Къ чему мнѣ было брать такое порученье?
Бѣднягѣ причинилъ я словомъ лишь мученье!

Языкъ нашъ есть камень, желѣзо суть уста;
Ихъ слово жжетъ огнемъ окрестныя мѣста.

Желѣзо о камень не бей безъ нужды явной,
Хоть будь то съ цѣлю разумной, хоть забавной.

Отъ слова цѣлый міръ пустыней можетъ стать,
И мертвая лиса, какъ левъ, пойдетъ на рать...“

Купецъ, окончивъ торгъ и путь свершивъ тяжелый,
Вернулся вспять домой довольный и веселый.

Гостинецъ каждому слугѣ привезъ добрякъ,
Служанкѣ каждой далъ вниманья лестный знакъ.

Промолвилъ попугай: „А я—безъ награжденья?
Открой же мнѣ свои слова и наблюденья!“

Купецъ ему въ отвѣтъ: „Раскаиваюсь я,
Жалѣю и скорблю, потоки слезъ лія.

Зачѣмъ извѣстіе отнесъ я роковое,
Не зная, что въ немъ зло сокрыто, и какое!..“

А попугай ему: „Въ чемъ каяться тебѣ?
Къ чему тутъ гнѣвъ и скорбь? угодно такъ судьбѣ.“

Купецъ сказалъ: „Твои стенанья о свободѣ
Я передалъ твоимъ собратьямъ по породѣ.

Одинъ изъ нихъ, тебя жалѣя, вдругъ безъ силъ
Упалъ, затрясся весь и духъ свой испустилъ.

Я каялся въ словахъ, мной сказанныхъ напрасно,
Но въ томъ, что сказано, раскаянье не властно.“

Услышалъ попугай, какъ братъ его упалъ,
И, такъ же задрожавъ, остылъ и не дышалъ.

Увидя, что, упавъ, ни членомъ онъ не двинулъ,
Хозяинъ вмигъ вскочилъ и шапку о-земь кинулъ:

„Мой милый попугай, знатокъ пріятныхъ словъ,
Что сдѣлалъ я съ тобой? зачѣмъ ты сталъ таковъ?

О ты, чьи пѣсни такъ плѣнительно звучали,
Наперсникъ мой и другъ въ весельи и печали!

О сладкогласный мой любимецъ попугай!
О ты, моей души бальзамъ и свѣтлый рай!“

Въ концѣ же птичій трупъ онъ выбросилъ изъ клѣтки, —
А попугай—воскресъ, и порхъ до ближней вѣтки!

Хозяинъ пораженъ поступкомъ былъ его,
И въ томъ, что видѣлъ самъ, не понялъ ничего.

Онъ, взоръ поднявъ, сказалъ: „О ты, пѣвецъ мой сладкій!
Со мною подѣлись чудной своей загадкой.“

—Мнѣ дѣломъ тотъ сказалъ, отвѣтилъ попугай:
„Ни шутокъ, ни бесѣдъ, ни пѣсенъ впредь не знай:

„Твой голосъ вѣдь твоей неволи есть причина“.
Вотъ мнѣ какой совѣтъ дала его кончина!

Тутъ попугай купца наставилъ кое въ чемъ
И кончилъ: „Будь здоровъ! не свидимся потомъ.

Прощай, хозяинъ мой! ты добръ и благородень:
По милости твоей я вновь теперь свободень.

Прощай! лечу туда, гдѣ родина моя.
Свободень нѣкогда ты станешь такъ, какъ я!“

Хозяинъ отвѣчалъ: „Лети подъ Божьимъ кровомъ!
Сегодня о пути повѣдалъ ты мнѣ новомъ.“

2.

Стучался нѣкто въ дверь того, кого любилъ.
„Ты кто, смѣльчакъ? скажи!“ любимецъ тотъ спросилъ.

Отвѣтъ былъ: „Это я.“—„Ступай! мнѣ нѣтъ досуга.
Мой столъ—для одного, готоваго лишь друга.

Незрѣлому созрѣть разлука дастъ одна;
Иначе лестъ и ложъ въ любви его видна.“

Пошелъ бѣдняга прочь и цѣлый годъ въ разлукѣ,
Скитаясь, предавалъ себя несносной мукѣ.

Созрѣлъ, сгорѣвъ душой, пока насталь возвратъ,
И вновь бродилъ онъ тамъ, гдѣ жилъ его собратъ.

Онъ стукнулъ въ дверь кольцомъ, готова рѣчь тревожно,
Чтобъ грубость уловить ужъ не было въ ней можно.

Любимецъ крикнулъ: „Эй, кто тамъ?“ И вотъ въ тиши
Звучить: „Здѣсь также ты, о царь моей души!“

Отвѣтилъ другъ: „Когда *ты—я*, о *я*, пожалуй!
Двоихъ же я вмѣстить не можетъ домикъ малый.

Двойную нить въ иглу напрасно не вводи.
Теперь ты сталъ одинъ—въ иглу мою пройди!“

Игла и нить къ себѣ влекутся обоюду.
Въ игольное ушко нельзя пройти верблюду.

Что нити тонину верблюду можетъ дать?
Святыхъ лишь подвиговъ и мыслей благодать.

3.

лучшій изъ городовъ.

„О другъ!“—такъ милая влюбленному сказала:
„Не мало обзрѣлъ чужихъ ты городовъ.
Къ которому изъ нихъ душа твоя лежала?“
„Къ тому“, отвѣтилъ онъ, „моей гдѣ милой кровъ.“

Вездѣ, гдѣ-бъ ни свила гнѣздо моя царица,
Игольное ушко обширно для меня;
Вездѣ, гдѣ-бъ ни зажглась красы ея зарница,
Мнѣ рай—въ колодезѣ, лишенномъ свѣта дня.

Съ тобой, красавица, мнѣ милы муки ада,
Съ тобой тюрьма—цвѣтникъ, прелестница моя,
Пустыня дикая съ тобой отраднѣй сада,
А безъ тебя средь розъ несчастенъ былъ бы я.

Съ тобой вездѣ своимъ доволенъ я удѣломъ,
Хотя бы мнѣ жильемъ могилы было дно;
То мѣсто выше всѣхъ цѣню я въ свѣтѣ цѣломъ,
Гдѣ въ мирѣ и любви съ тобой мнѣ жить дано.“

ЧЕТВЕРОСТИШЯ.

1.

Не видя васъ нигдѣ, глаза полны слезами,
Вспоминая васъ, душа полна тоской.
Вернется-ль что-нибудь изъ прожитаго нами?
Увы! прошедшее придетъ ли въ разъ другой?

2.

Признай высокое любви на насъ вліянье.
Что́ есть плохого въ ней, природы въ томъ вина.
Ты похоти своей даешь любви названье...
Отъ похоти къ любви дорога-то длинна.

3.

Что́ это, отъ чего пріятно намъ явленье?
Что́ это, безъ чего явленья смыслъ сокрытъ?
Что́ средь явленья вдругъ проглянетъ на мгновенье
Иль ярко міръ иной въ явленьи отразитъ?

4.

О другъ, межъ нашими сердцама есть дорога,
И сердцу моему всегда она ясна:
Она—что водный токъ безъ мути, безъ порога,
А въ глади чистыхъ водъ виднѣется луна.

5.

Затѣмъ мы дню враги, что, только-лишь онъ сбудетъ,
Какъ паводокъ въ руслѣ, какъ вѣтръ въ дали степей,
Садимся мы, когда тотъ мѣсяць насъ пробудитъ,
И кубками звенимъ до солнечныхъ лучей.

6.

Храни въ себѣ любовь, свой лучшей кладъ и славу!
Умѣй найти того, кто-бъ вѣчно былъ твоимъ!
Душею не зови души своей отраву!
Бѣги ея, хотя-бъ разрывъ былъ нестерпимъ!

7.

Сказать безъ языка хочу тебѣ я слово,
Не подлежащее суду ничьихъ ушей.
Оно—для твоего лишь слуха, не чужого,
Хоть будетъ сказано при множествѣ людей.

8.

Прекраснѣйшаго нѣтъ, чѣмъ Ты, на свѣтѣ друга,
 Нѣтъ дѣла лучшаго, чѣмъ ликъ Твой созерцать.
 Въ обоихъ мнѣ мірахъ и другъ Ты и подруга:
 На всемъ, что мило намъ, Твоя лежитъ печать.

9.

Я пѣснь о ней сложишь, но вознегодовала
 Она на то, что ей предѣломъ служить стихъ.
 „Какъ мнѣ тебя воспѣть?“ Она мнѣ отвѣчала:
 „Стиху ли быть красотъ вмѣстилищемъ моихъ?“

10.

Цвѣти и веселись души весною вѣчной,
 Чтобъ радовалъ твоихъ поклонниковъ твой видъ!
 Кто взглянетъ на тебя безъ радости сердечной,
 Да будетъ обреченъ на мракъ, печаль и стыдъ!

11.

Какъ солнце твоего коснуться смѣло лика,
 Иль вѣтеръ—до твоихъ дотронуться волосъ?
 Умъ, гордыхъ тайнъ земныхъ и тварей всѣхъ владыка,
 Мутится, о Тебѣ поставивъ лишь вопросъ.

12.

Изъ сферъ вокругъ тебя я былъ бы радъ хоть пыли
Въ надеждѣ, что она твоихъ касалась ногъ.
Обиды отъ тебя меня бы веселили:
Вниманья знакъ ко мнѣ въ нихъ видѣть я бы могъ.

13.

Тому, въ комъ сердца есть хоть доля небольшая,
Несносно безъ любви къ тебѣ прожить свой вѣкъ,
Но, цѣпь твоихъ кудрей сплетенныхъ разбирая,
Окажется глупцомъ и умный человѣкъ.

14.

Дервишъ, который рѣчь ведетъ о тайнахъ неба,
Даритъ намъ въ каждый мигъ блаженство безъ конца.
Тотъ не дервишъ, кому просить нестыдно хлѣба;
Дервишъ есть тотъ, кто жизнь влагаетъ намъ въ сердца.

15.

Въ любви я вѣрностью хочу быть обезпеченъ;
Надежда призрачна; увѣренность нужна.
Хотя за преданность тобою я отмѣченъ,
Награда высшая достаться мнѣ должна.

16.

Зашей себѣ глаза: пусть сердце будетъ глазомъ,
И этимъ глазомъ міръ увидишь ты иной.
Отъ самомнѣнія рѣшительнымъ отказомъ
Ты мнѣнью своему укажешь путь прямой.

17.

Сначала какъ меня красавица плѣнила,
Сосѣдямъ спать мѣшаль стенаньемъ я своимъ.
Теперь стенанья нѣтъ; любви видна въ томъ сила:
Изъ ярко-вздутаго огня—нейдетъ и дымъ.

18.

Заря—и вспыхнулъ свѣтъ на всемъ земномъ просторѣ.
Расходятся ночныхъ любовниковъ четы.
Закреты сномъ глаза, уставшіе въ дозорѣ.
Вотъ время тайные срывать любви цвѣты!

19.

Свѣжѣть. Вѣтерокъ повѣялъ благовонный.
Изъ чьей обители исходитъ онъ, сознай.
Проснись! взгляни, какъ міръ бѣжитъ неугомонный.
Пойми, что караванъ идетъ. Не отставай.

20.

Любовь отъ вѣчности была и вѣчно будетъ;
Искателей любви утратится и счетъ.
Узримъ ли завтра мы Того, Кто мертвыхъ судить,
Презрѣніе къ любви безъ кары не уйдетъ.

21.

Любовь пріятнѣе, когда несетъ намъ муки.
Не любить, кто въ любви отъ мукъ бѣжитъ назадъ.
Мужъ—тотъ, кто, все забывъ, когда наложитъ руки
Любовь на жизнь его, всю жизнь отдать ей радъ.

22.

Любовь должна быть тѣмъ, что насъ бы услаждало.
Любовь намъ радости безъ счета можетъ дать.
Я въ матери-любви обрѣлъ свое начало.
Благословенна будь на вѣки эта мать!

23.

Когда судьба къ тебѣ прислуживаться станетъ,
Не вѣрь: она въ конецъ пошутитъ надъ тобой.
Невѣдомымъ тебя напиткомъ одурманить,
И милую твою обниметъ ужъ другой.

24.

По смерти намъ сулятъ награду вѣчнымъ раемъ,
Тамъ чистое вино и хурій нѣжный взглядъ.
Мы здѣсь уже къ вину и милой прибѣгаемъ:
Добьемся и въ концѣ вѣдь тѣхъ же мы наградъ.

25.

Она—живой рубинъ, въ которомъ все прелестно.
И блещутъ радости невѣдомыхъ міровъ.
Сказать ли, кто она? Но имя неумѣстно:
Поклонникъ я того, кто врагъ излишнихъ словъ.

26.

Возлюбленная есть ликъ солнца необъятный,
Влюбленный есть въ лучахъ кружащійся атомъ.
Когда зефиръ любви повѣетъ благодатный,
Въ вѣтвяхъ еще живыхъ восторгъ забьетъ ключомъ.

27.

И самъ я не пойму... Лишь Богъ одинъ то знаетъ;
Но что-то душу мнѣ такъ странно веселить,
Что розу иногда она напоминаетъ,
Которую зефиръ любовно шевелить.

28.

О сердце! ободрись! приходитъ исцѣленье.
Вздохни свободнѣе: насталь желанный часъ.
Тотъ другъ, своихъ друзей забота и мученье,
Во образѣ людскомъ явился между насъ.

29.

Видь неба радостень отъ звѣзднаго сіянья.
Объемлетъ землю миръ и душу съ ней мою.
На зеркало души ложатся воздыханья,
И ими чудный блескъ я зеркалу даю.

30.

Лишь вспомню о тебѣ—и сердце затрепещетъ,
Потоки горькихъ слезъ польются изъ очей.
Отвсюду образъ твой предъ мыслию заблещетъ.
О сердце! улетишь изъ груди ты моей.

31.

Когда твоя душа прозритъ хоть на мгновенье,
Весь этотъ міръ вещей вдругъ станетъ ей знакомъ.
И всѣмъ желанное нездѣшное видѣнье
Въ зеркалѣ мышленья появится твоємъ.

32.

Весеннею порой въ разлукѣ я съ любезной.
Что праздникъ мнѣ, когда нѣтъ радости ни въ чемъ?
Да поростутъ сады колючкой бесполезной!
Да прыщутъ облака лишь каменнымъ дождемъ!

33.

Извѣстно не одно у насъ повѣствованье
О жертвахъ мукъ любви и силѣ красоты.
Любовь къ Тебѣ любви есть каждой основанье,
Но должно понимать, что отблескъ Твой—не Ты.

34.

Передо мной моей возлюбленной могила.
Покойной красота здѣсь въ розахъ расцвѣла.
И я сказала землѣ, гдѣ милая почила:
„О, дай ей отдохнуть, не зная мукъ и зла!“

35.

О, я еще не сытъ тобою, другъ мой милый,
И много ты еще мнѣ сладости должна.
Былинка надъ моей возросшая могилой, —
И та еще любви останется вѣрна.

36.

Ты, сна не знающій отъ вѣка и не знавшій!
О, если-бъ хоть людей во снѣ ты посѣщаль!
Сказать ли?.. но блаженъ, гдѣ нужно, промолчавшій!
Ты также вѣдь молчишь и вѣчно лишь молчалъ.

37.

Явись, красавица, превыше словъ и мѣры!
Молитвы и тоски разсѣй безслѣдно мракъ!
Съ тобой молитва—все, что служитъ знакомъ вѣры,
А безъ тебя сама молитва—только знакъ.

38.

Мнѣ часто другъ твердилъ: „Бѣжать ты долженъ съ толкомъ:
Затѣяль ли побѣгъ, подъ мой лишь кровъ иди.
Когда ты одержимъ боязнью встрѣчи съ волкомъ,
Спасайся въ городъ, а въ степь и не гляди.“

39.

Вечоръ ко мнѣ пришла та милая подруга.
Я плакалъ и молилъ, она была строга.
Ночь скрылась, не продливъ для рѣчи намъ досуга.
Не ночь была кратка, а наша рѣчь долга.

40.

О вѣтеръ утренній, лети къ той дѣвѣ милой
И, если ей досугъ, скажи, какъ я страдалъ;
Застанешь ли ее сердитой и унылой,
Молчи! скажи, что ты меня и не видалъ.

41.

Возлюбленной моей ничто годовъ теченье,
И будетъ намъ всегда сіять она равно.
Она — и зеркало и въ немъ же отраженье.
Такое зеркало заржавѣть не должно.

42.

Вечоръ упрашивалъ я разумъ величавый:
„Познанью высшихъ тайнъ меня ты научи“ ...
Онъ мнѣ давалъ отвѣтъ любовный и лукавый:
„Знать можно, но сказать нельзя. Итакъ, молчи!“

43.

Лобзать ея уста, которыхъ зналъ ты сладость,
И грудь ея ласкать привычною рукой
Не перестанетъ тотъ, кто жизни мощь и радость
Изъ этихъ милыхъ чаръ обильной пьетъ струей.

44.

Въ собраньѣ, отъ нея присѣвъ неподалеку,
Не могъ я при другихъ на грудь ее привлечь,
За то къ ея щекѣ свою приблизилъ щеку,
Какъ будто на-ухо ведя о чемъ-то рѣчь.

45.

Клянуся я душой, гдѣ къ ней лишь чувство живо,
Клянусь я головой, гдѣ власть ея крѣпка,
Клянусь я мигомъ тѣмъ, какъ былъ я всѣмъ на диво:
Въ одной рукѣ бокаль, въ другой ея рука.

46.

Отъ мысли о тебѣ лишаюсь я сознанья.
Безъ губокъ мнѣ твоихъ не вкусно и вино.
Мой взоръ, ища тебя, ужъ полонъ ожиданья,
И ухо, чтобъ тебѣ внимать, напряжено.

47.

Хоть скучны мы тебѣ, зайди къ намъ на мгновенье,
Не избѣгай своихъ неистовыхъ друзей.
Иль духа моего усвой себѣ затменье,
Иль только посмотри на бѣшенство страстей.

48.

Мое случайное общеніе съ другою
Не значигь, что отдать я сердце ей хочу:
Тоть, солнце чье съ небесъ уйдетъ, спѣша къ покою,
Поставить предъ собой взамѣнь его свѣчу.

49.

Меня бранять, зачѣмъ я смѣхъ свой не покину,
Зато, что рѣчь моя забавна и рѣзка.
Тки, врагъ мой, какъ паукъ, изъ желчи паутину,
Орель же весело взлетитъ подъ облака.

50.

Тоть, кто тебя узритъ, прелестное созданье,
Забудеть все кругомъ—и мѣсто и людей.
Чтò мѣсяца намъ ликъ, чтò звѣздъ намъ трепетанье,
Когда заблещетъ міръ отъ солнечныхъ лучей?

51.

Когда-бъ извѣдало хоть призракъ этой страсти
Свѣтило дня, оно забыло бы о днѣ,
А если-бъ милую дѣлили мы на части,
Вотъ вамъ десятая одна, а девять мнѣ!

52.

Въ составѣ хитростномъ Адамовой природы
Съ землею чистое смѣшалось естество.
Но истекли судьбой назначенные годы—
Духъ къ духу, къ веществу вернулось вещество.

53.

Живали мы среди людского населенья,
Но тамъ о вѣрности не грезять и во снѣ.
Нѣтъ, лучше межъ людей намъ жить безъ проявленья,
Какъ спитъ въ желѣзѣ блескъ, какъ искра спитъ въ огнѣ.

54.

Ты хочешь золота и сердца, другъ лукавый.
Ни то, ни это мнѣ къ услугамъ не дано.
Откуда золоту въ мошнѣ найтись дырявой?
Откуда сердце взять влюбленному давно?

55.

Часть прежде цѣлаго волнуется любовью;
Срокъ раньше гроздію, вину чередъ позднѣй.
Тому же и весна покорствуешь условью:
Поетъ сначала котъ, а послѣ—соловей.

56.

О страсти у меня сужденья есть и рѣчи,
Какихъ не изъяснить ни письмамъ, ни посламъ,
Но жду я времени и случая для встрѣчи,
Чтобъ ты послушала, а толкъ я далъ бы самъ.

57.

О Ты, Владыка мой, Всевышній, Всемогущій!
О Ты, предъ Кѣмъ я рабъ ничтожный и худой!
Не дай остыть любви, къ Тебѣ меня влекущей:
Позволь хоть изрѣдка мнѣ видѣть образъ Твой!

58.

Возвышенъ славою съ Тобой самимъ общенья,
Я сотнямъ равенъ сталъ, Тебя лишь возлюбя.
Со мной неслитно Ты мнѣ центромъ былъ вращенья;
Теперь я, ставъ Тобой, вращаюсь вокругъ себя.

59.

Внушаетъ Онъ одно мнѣ страстное желанье —
Свободу отъ себя стяжать и отъ заботъ.
Доселѣ трудъ мой былъ — духовныхъ благъ исканье,
Но Онъ внушаетъ мнѣ и этотъ сбросить гнетъ.

60.

Сегодня я иду на пьяную прогулку;
Виномъ и голову я въ кубокъ превращу.
Вниманье каждому дарю я закоулку:
Въ безумцы годнаго я умника ищу.

61.

Тому, кто сна лишилъ меня безъ сожалѣнья,
Дай, Господи, чтобъ сонъ бѣжалъ его одра!
Пусть онъ извѣдаетъ бессонницы томленья
И вспомнить заповѣдь: „Будь добръ—и жди добра.“

62.

Когда печалень я, тогда лишь духъ мой ясенъ,
Когда я угнетень, молчить во мнѣ тоска.
Когда я, какъ земля, недвижимъ и безгласень,
Мой стонъ, звуча какъ громъ, летитъ за облака.

63.

Припавъ къ твоимъ кудрямъ, тебя я не обидѣлъ;
Клянусь, что не было коварства въ томъ ничуть;
Но сердце я твое въ кудряхъ твоихъ увидѣлъ
И съ нѣжной шуткою хотѣлъ къ нему прильнуть.

64.

Когда становится преграда между нами,
Въ слезахъ и столахъ жизнь я провожу свою;
Какъ свѣчка таяньемъ, горжусь тогда слезами,
Какъ арфа, столами душѣ я звукъ даю.

65.

Въ погонѣ бѣшеной за милою своею
До тѣхъ я дожилъ лѣтъ, когда пора ко сну.
Быть можетъ, я въ концѣ подругой овладѣю,
Но какъ себѣ я жизнь ушедшую верну?

66.

Твое дыханіе въ жасминѣ уловляю,
Твоей красы въ цвѣтахъ ищу я полевыхъ,
А въ ихъ отсутствіи устами повторяю
Хоть имя я твое, и слушаю изъ нихъ.

67.

Не вѣрь, что по тебѣ я больше не тоскую
И что отсутствіемъ твоимъ не огорченъ:
Вина твоей любви я выпилъ кадъ такую,
Что ею вѣчно былъ и буду упоенъ.

68.

Когда огонь любви сверхъ силъ меня затронетъ,
Тебя, хотя-бъ на мигъ, забыть бы я желалъ.
Тогда беру бокаль, гдѣ умъ безслѣдно тонетъ,
Но пью въ винѣ тебя: ты входишь и въ бокаль.

69.

Наука о Тебѣ любви къ Тебѣ не шире:
И съ той и съ этою Ты темень намъ равно;
Но мы спасаемся и въ томъ и этомъ мірѣ
Любовью, а не тѣмъ, что знаньемъ намъ дано.

70.

За сердце душу мнѣ любовь даетъ въ награду
И жертву всякую сторицей возвратитъ,
А если моему Ты самъ предстанешь взгляду,
Такъ будетъ выигрышь всемірный мной добытъ.

71.

Зашедъ поспѣшно въ садъ, я розу рвалъ съ опаской,
Чтобъ не привлечь къ себѣ садовника мнѣ взглядъ.
Но вдругъ садовникъ самъ сказалъ мнѣ съ кроткой лаской:
„Что—роза, если весь пожертвовалъ я садъ?“

72.

Ты десять обѣщаль червонцевъ мнѣ напрасно,
Потомъ изъ нихъ ты три взялъ письменно назадъ,
И дашь ли тѣ мнѣ семь, досель еще не ясно.
Три вычель изъ нуля... къ чему? мнѣ невдогадъ.

73.

Ушла ты, и въ тоскѣ я слезы лью рѣкою;
Чѣмъ боль острѣй, тѣмъ слезъ я меньше берегу.
Но и глаза мои ушли вѣдь за тобою;
Такъ какъ же и безъ глазъ я слезы лить могу?

74.

Вѣщаетъ ночь: „Всѣ тѣ, что пьянствуютъ, мнѣ рады;
Сгорѣвшему душой я душу вновь даю,
А если отъ любви не видитъ кто награды,
Какъ ангель смерти я въ дверяхъ его стою.“

75.

Любовь—вино; въ ней мощь моей души и тѣла;
Любовь—весна; я съ ней свой чувствую расцвѣтъ.
Клянусь любовію, врагомъ смертельнымъ дѣла,
Что у меня, когда есть дѣло, дѣла нѣтъ.

76.

Другъ друга цѣлый вѣкъ въ лицо мы не видали.
Вотъ мы сошлись, но насъ надзора мучилъ страхъ,
И мы, тая свои стремленья и печали,
Бровями рѣчь вели, а слухъ нашъ былъ въ очахъ.

77.

Послалъ намъ Богъ съ утра попойку и веселье,
И праздникъ удалось намъ справить и постомъ.
О кравчій, дай вина, чтобъ разумъ нашъ похмелье
Затмило—и на вѣкъ ни капли ужъ потомъ!

78.

То отъ возлюбленныхъ ношу я въ сердцѣ рану,
То дружба тьму даетъ тревогъ мнѣ и досадъ.
Откуда-жь наконецъ веселье я достану?
Какой я радости еще могу быть радъ?

79.

Я пользы ожидалъ отъ временной разлуки:
Я думалъ: милая раскается моя.
Довольно я терпѣлъ, довольно принялъ муки—
Не смогъ. Тебѣ-ль солгу я, правду утая?

80.

Не въ красотѣ рабынь, не въ хмель буйномъ слава,
А въ личной доблести на полѣ боевомъ.
Пусть тотъ, кому ничто кровавая расправа,
Одинъ сидитъ, когда народъ стоитъ кругомъ!

81.

Лѣтъ нѣсколько ходилъ ребенкомъ я въ ученье,
Потомъ друзьями былъ украшенъ мой удѣлъ.
Узнай же повѣсти моей и заключенье:
Я облакомъ пришелъ и вѣтромъ улетѣлъ.

82.

О Ты, изъ брениа мое создавшій тѣло!
О Ты, свѣтъ разума кто въ душу влилъ мою!
Да будетъ предъ Тобой мое мѣстечко цѣло!
Такъ, Твой же баловень, къ Тебѣ я вопію.

83.

Жизнь безъ тебя есть грѣхъ, подруга дорогая;
И какъ же безъ тебя я вѣкъ свой проживу?
Жизнь безъ тебя—скажу, рѣчь клятвой подтверждаю—
Есть жизнь по имени, но смерть по существу.

84.

О Ты, чей ликъ есть храмъ души и укрѣпленье!
О жизни пламенникъ! сгорѣлъ я отъ тоски.
Дозволь влюбленному свое мнѣ лицезрѣнье,
Чтобъ жизни рубище я самъ разнесъ въ клочки!

85.

Я сердцу говорилъ: „Любви не нужно новой:
Не причиняй опять мнѣ горя и заботъ!“
Отвѣтъ его былъ строгъ: „Вотъ малый безтолковый!
Подружка—хоть куда. Ломаться не разсчетъ.“

86.

Такъ много я глупилъ и пакостилъ на свѣтѣ,
Что не провелъ никто въ ладахъ со мной ни дня.
Я жалуясь, а самъ предъ всѣми я въ отвѣтъ,
Обидчиками всѣхъ зову, а тѣ меня.

87.

Однажды мы съ тобой на дальней луговинѣ
Восторгамъ предались, въ любви забывъ весь свѣтъ.
То было ужъ давно, но грежу я понынѣ
О томъ, чтобъ помнила ты дня того завѣтъ.

88.

Въ животныхъ души есть, но нѣтъ души единой;
Не хлѣбъ, всѣ хлѣбы есть, кому нужна ѣда *).
Всему, что можетъ здѣсь быть радости причиной,
Замѣну ты найдешь, но милой—никогда.

89.

Таится Онъ въ саду и скрытъ въ деревьяхъ сада,
Безчисленъ въ образахъ, Единъ въ Себѣ Самомъ,
Всемирный океанъ, живая водъ громада,
А жизнь отдѣльныхъ душъ есть волнъ ея подъемъ.

90.

Ушла ты, но нейдутъ, о избранная мною,
Изъ сердца страсть къ тебѣ, твой образъ изъ очей.
Что если впереди я вдругъ тебя открою,
О свѣточъ на стезѣ извиистой моей?

*) Персидскій печатный оригиналъ въ этомъ мѣстѣ явно испорченъ. См. введеніе, въ замѣткѣ о Джелиледдинѣ. *Ред.*

91.

О другъ, презрѣнне къ намъ мы тѣмъ тебѣ внушаемъ,
Что не пилъ ты вина изъ тяжелой той стопы.
Мнѣ отъ веселія сталъ міръ казаться раемъ,
Печаль—мой рабъ и шутъ, хоть царь она толпы.

92.

Умъ—то, чтобъ выбирать въ ладу съ Твоимъ завѣтомъ,
Религія—чтобъ жить по волѣ лишь Твоей,
Наука—не считать Тебя своимъ предметомъ,
А благочестіе—не рвать Твоихъ цѣпей.

93.

Я говорилъ: „Бѣги друзей съ душой тоскливой!
Съ весельчаками лишь пріятными водись!
Когда зайдешь ты въ садъ, оставь бурьянъ съ крапивою
И межъ жасминами и розами садись!“

94.

Въ послѣдній часъ, когда съ души спадаетъ тѣло,
Какъ платье старое, сорветъ она его
И, сродной съ нимъ землѣ вернувъ его всецѣло,
Надѣнетъ новое изъ свѣта своего.

95.

Мѣняй хоть каждый мигъ жилище и сосѣда!
Будь какъ текущая безъ устали вода!
Вчера прошло,—и съ нимъ—вчерашняя бесѣда;
Сегодня новой ужъ бесѣды череда.

96.

Съ непосвященными о тайнахъ не бесѣдуй,
Корыстнымъ не тверди о чистомъ душъ огнѣ,
Съ чужими, на словахъ, чужимъ рѣчамъ лишь слѣдуй,
Съ верблюдомъ-степнякомъ суди о бурьянѣ.

97.

Душа моя съ твоей всегда была едина;
Одни въ нихъ явныя и тайныя черты.
Въ словахъ „мое“, „твое“ ошибокъ лишь причина.
Исчезло межъ тобой и мною „я“ и „ты“.

98.

Всѣ двери закрыты; Твоя лишь дверь открыта,
Чтобъ чужеземца путь къ Тебѣ лишь могъ привести,
О Ты, чьи свѣтъ и мощь и милость и защита
Затмила звѣздъ, луны и солнца блескъ и честь!

99.

Зачѣмъ томишь ты умъ въ кругу исканій строгомъ
И плачешь о тщетѣ излюбленной мечты?
Вѣдь ты отъ головы до ногъ проникнуть Богомъ.
Невѣдомый себѣ, чего же ищешь ты?

100.

Въ любви забудь свой умъ, хоть мудростью ты славенъ,
Дорожнымъ прахомъ стань, хоть въ небѣ будь твой домъ,
Будь старцамъ, юношамъ, и злымъ и добрымъ равенъ,
Будь ферзью, пѣшкой, потомъ ужъ—королемъ.

101.

Пошли ей, Господи, безжалостнаго друга,
Мучителя сердець по прихоти своей!
Чтобъ показать ей зло любовнаго недуга,
Пошли любовь, пошли любовь ей посильнѣй!

102.

—Что дѣлать?—я сказалъ. А онъ мнѣ: Рѣчь пустая!
„Что дѣлать?“ я убью все разомъ безъ затѣй:
Въ бесплодной суетѣ „Что дѣлать?“ повторяя,
Туда же ты придешь, гдѣ былъ въ началѣ дней.

103.

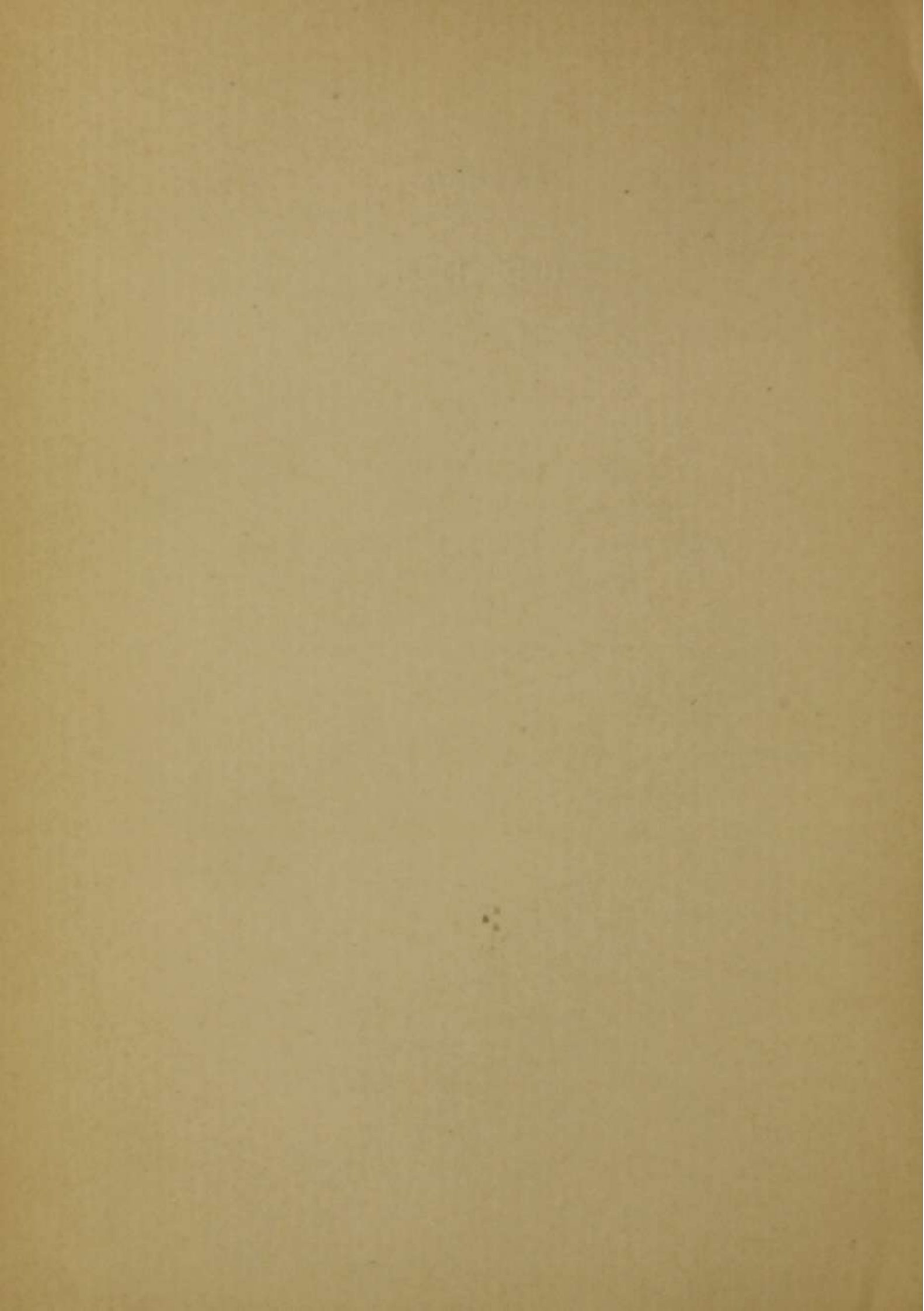
Сегодня вечеромъ съ сочувственнымъ мнѣ другомъ
Сошлись мы, для бесѣдъ луговъ избравъ просторъ.
Вотъ свѣчи, разговоръ, пѣвецъ къ моимъ услугамъ.
О, лишь бы Ты былъ здѣсь! а прочее все—вздоръ.

104.

Когда безуміемъ и страстью ослѣпленный
Придешь ты въ общество, гдѣ счастье царить,
Не будешь пущень ты туда, какъ зачумленный,
Хотя ты въ этотъ день уменъ и даровить.

ХАФИЗЪ.

(1300—1389).

I. ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

1.

Ни счастье жизни сей лишений въ ней не стоитъ,
Ни сладость бытія его скорбей не стоитъ,
Ни срокъ въ семь тысячъ лѣтъ веселья на землѣ
Страданья лишь семи печальныхъ дней не стоитъ.

2.

Сегодня тягостнѣй трудовъ мой будетъ сонъ;
И какъ же безъ тебя здоровъ мой будетъ сонъ?
Но ты не вѣришь мнѣ, — такъ призракъ свой пошли,
Чтобъ посмотрѣлъ хоть онъ, каковъ мой будетъ сонъ.

3.

Сказала ты: „Терпи, но не теряй покоя
И сердцемъ ободрись: вѣдь буду я твоей.“
Терпѣнье—гдѣ оно? а сердце—что такое?
Лишь крови капелька и тысяча скорбей.

II. ГАЗЕЛИ.

1.

Въ этомъ сердцѣ любовь создала ей приютъ,
Въ этихъ взорахъ черты милой дѣвы живутъ.
Не плѣняетъ меня свѣтъ ни этотъ ни тотъ:
Быть достойнымъ ея,—вотъ меня что влечетъ.
Что тебѣ древо рая, то мнѣ—ея станъ,
По уму идеаль свой вѣдь каждому данъ.
Но какъ могъ бы войти я въ волшебный тотъ міръ,
Гдѣ святыня—она, гдѣ привратникъ—зефиръ?
Пусть мой видъ неопрятенъ,—бѣды въ этомъ нѣтъ:
Чистоту моей милой признаетъ весь свѣтъ.
Дни Меджнуна минули, и нашъ нынче вѣкъ:
Пять-шесть дней—вотъ и все, что живетъ человѣкъ.
Садъ любви и веселье вдали отъ людей,
Эти блага мои—плодъ покорности ей.
Пусть и сердце и я за нее пропадемъ:
Я живу для того, чтобъ хранить ее въ немъ.
Милой образъ въ глазахъ да не меркнетъ нигдѣ:
Въ нихъ привычно ей жить, какъ въ родимомъ гнѣздѣ!
Каждой розѣ въ саду, что пробудить весна,
Ароматъ и красу придаетъ лишь она.

*

Хоть я съ виду бѣднякъ, ты о томъ позабуди:
Къ ней любовью богата Хафизова грудь.

2.

Кравчій! влаги, что жизни полна, принеси!
Кубокъ, или хоть два, намъ вина принеси!
Средства противъ печали любовной, вина,
Чѣмъ и старость и юность сильна, принеси!
Намъ вино—то же солнце, а кубокъ—луна,—
Солнца свѣтъ, что объемлетъ луна, принеси!
Но разсудокъ упрямя;—бремя винныхъ оковъ
Для него, вмѣсто узъ изо льна, принеси!
Это пламя во мнѣ свѣжей влагой залей;
Пламя жидкое, словно волна, принеси!
Если роза пропала, скажи ей: „Прощай!“
И напитка, гдѣ роза видна, принеси!
Если рокоть замолкъ соловьиный, такъ что жъ?
Въ горлѣ фляги намъ рокоть вина принеси!
Стонъ о прошломъ оставь; звукъ отраднѣйшій намъ—
Чтобъ съ гитарой сливалась зурна—принеси!
Видѣть образъ ея я могу лишь во снѣ;—
Самый вѣрный источникъ мнѣ сна принеси!
Хоть я пьянъ, три-четыре мнѣ кубка еще,
Чтобъ совсѣмъ стала память темна, принеси!

*

Двѣ-три чаши тяжелыхъ Хафизу подай:
Будь заслуга мнѣ хмель, будь вина—принеси!

3.

Приди, чтобъ, какъ прежде, умѣло
Усталое сердце желать.
Приди, чтобы мертвое тѣло
Воспрянуло къ жизни опять.

Приди: безразсвѣтною тьмою
Разлука застлала мой взглядъ,
И только свиданье съ тобою
Отдастъ ему ясность назадъ.

Хоть душу мнѣ скорбь отравила,
Ей мрачныя мысли внушивъ,
Отрадной красы твоей сила
Удержитъ ихъ грозный приливъ.

Могу я предметы любые
Предъ зеркаломъ сердца держать—
Твои лишь черты неземныя
Умѣетъ оно отражать.

Чреватою ночь называютъ;
Смотрю я, разлуку кляня,
Какъ звѣзды свой путь совершаютъ:
Что ночь породить для меня?

Приди!.. Соловей, отъ созданья
Вселенный въ Хафизову грудь,
Ужъ чужь восторги свиданья,
Вновь пѣсню готовъ затянуть.

4.

Вновь придетъ Іосифъ плѣнный въ Ханаанъ: не унывай!
Много слезъ украсятъ роза и тюльпанъ: не унывай!
Сердце бѣдное! настанутъ дни веселья: не крушись!
Мозгъ безумьемъ вновь не будетъ обуянъ: не унывай!
Какъ весна воздвигнетъ въ жизни вновь зеленый свой престоль,
Кровь изъ розъ найдешь ты, птичка, тьмы баянъ: не унывай!
Не теряй еще надежды, міра тайнъ не разгадавъ:
Много тамъ чудесь, хоть кроетъ все туманъ: не унывай!
Если кругъ судьбы вертѣлся не по вкусу намъ дня два,
Не всегда расчеты наши ждетъ обманъ: не унывай!
Если ты зашелъ въ пустыню, устремляясь къ Каабѣ,
И язвить тебя шипами мугиланъ—не унывай!
Если бѣдъ потокъ, о сердце, жизнь въ основахъ смыть грозитъ,—
Ной—твой кормчій: съ нимъ не страшень океанъ: не унывай!
Пусть и поприще опасно и конецъ пути сокрытъ,—
Кто-бъ куда ни шелъ, вѣдь отдыхъ будетъ данъ: не унывай!
Что въ разлукѣ я съ любезной, что отъ зависти терплю,
Знаетъ все судебъ Владыка, врачъ всѣхъ ранъ: не унывай!
О Хафизъ! въ убогой кельѣ, въ одиночествѣ ночей,
При тебѣ лишь будь молитва и Коранъ—не унывай!

5.

За розою я въ садъ однажды вышелъ
И пѣнье соловья внезапно тамъ услышалъ.
Бѣднякъ, подобно мнѣ, былъ розою плѣненъ
И пѣсней изливаль души болящей стонъ.
И часто проходилъ тотъ садъ я въ край изъ края,
Одинъ о соловѣѣ и розѣ размышляя.
Какъ розѣ шипъ сродни! какъ нѣженъ соловей!
И ей ли кротче стать? ему ли холоднѣй?
Когда я потрясенъ былъ пѣсней соловьиной,
Покою я не могъ на мигъ найти единый.
Немало этотъ садъ раститъ прелестныхъ розъ,
Но тѣхъ, кто ихъ беретъ, шипы язвятъ до слезъ.
Хафизъ, не уповай на мѣръ, гдѣ все такъ ложно:
Въ немъ зло грозитъ вездѣ, а счастье невозможно.

6.

Хотя бы тьма враговъ мнѣ гибелью грозила,—
Лишь будь мнѣ другомъ ты—не страшны мнѣ они;
Я жду твоей любви; въ ней жизнь моя и сила,
А безъ тебя легко мои прервутся дни.
Когда тебя вблизи не чую ежечасно,
Какъ роза, вскрыться грудь готова въ мигъ любой;
Съ тобой въ душѣ я сна дождусь ли?—трудъ напрасный!
Разлуку облегчить могу ли?—бредъ пустой!
Мнѣ рана отъ тебя милѣй, чѣмъ мазь чужая,
Твой ядъ отраднѣй мнѣ лѣкарства отъ друзей,
Мнѣ смерть отъ рукъ твоихъ—знакъ вѣчности и рая:
Душа моя свята, ставъ жертвою твоей.
Приблизься лишь ко мнѣ—и мечъ твой не ужасенъ:
Я голову на казнь и руки въ плѣнъ отдамъ.
Твой образъ истинный лишь избранному ясенъ,
И видитъ всякъ тебя такой, какъ мыслить самъ.
Тогда стяжать Хафизъ хвалу людскую можетъ,
Когда лицо во прахъ у ногъ твоихъ положить.

7.

Царицею ты всѣхъ прелестницъ быть должна,
Сіяя выше ихъ красою, какъ луна.
Волна твоихъ волосъ и очи съ поволокой
Наносятъ прелестямъ другихъ ударъ жестокий.
Лицо твое свѣтлѣй чѣмъ солнце въ ясный день,
А косы темнотою стыдятъ ночную тѣнь.
Твоими чарами—увы!—мой духъ отравленъ
И можетъ лишь тобой отъ муки быть избавленъ;
Твой ротикъ есть родникъ живительной воды,
Сладчайшей, чѣмъ садовъ полуденныхъ плоды.
За что же сердце ты мое казнишь такъ злобно,—
То сердце, что стеклу по хрупкости подобно?
Слугой властителя такого быть, какъ ты,
Хоть низшимъ—вотъ предметъ Хафизовой мечты.

8.

Лучше быть мнѣ вдвоемъ, чтобъ со мною подруга
Пребывала одна,
Чѣмъ горѣть мотылькомъ среди люднаго круга,
Гдѣ свѣтильникъ—она.

Соломона печать съ ея силою тайной
Не по мнѣ талисманъ,
Если руку свою налагалъ хоть случайно
На нее Ахриманъ.

Да не будетъ того, чтобъ мой храмъ упованій
До послѣдняго дня
Былъ доступенъ врагу моихъ высшихъ желаній
И закрытъ для меня!

Пусть и счастья звѣзда не блѣснетъ съ небосклона
Лаской ясныхъ лучей
Надъ обителью той, гдѣ въ почетъ ворона
И презрѣнъ соловей!

Отъ тоски я мечтой подъ твой кровъ улетаю

На яву и во снѣ:

Такъ томится иной по родимому краю

На чужой сторонѣ.

Нѣтъ нужды набирать чувствамъ нѣжнымъ и яркимъ

Доказательства тамъ,

Гдѣ сердечный огонь вспыхнулъ пламенемъ яркимъ,

Пробѣжавъ по стихамъ.

Хоть десяткомъ снабдить языковъ, какъ лилею,

Рѣчь Хафизову рокъ,

Все-жь, какъ почка, онъ съ усть предъ красою твоею

Снять не смѣлъ бы замокъ.

9.

О вѣтеръ, откуда ты? воздухъ подруги
Я чую въ струѣ благовонной твоей.
Но какъ ты цѣною такой мнѣ услуги
Дерзаешь рѣзвиться вокругъ милыхъ кудрей?

О роза, красой ты поспоришь ли съ нею?
Она—такъ изящна, а ты—вся въ шипахъ.
Лилея... но кто съ ней сравниваетъ лилею?
Тамъ—свѣжесть, а здѣсь—увяданье и прахъ.

Нарцисъ! близъ очей ея стоишь ты мало:
Въ нихъ—свѣтъ упоенья, а ты словно пьянъ.
Тебѣ ль, кипарисъ, величаться пристало
Въ той роцѣ, гдѣ стройный мелькнулъ ея станъ!

О умъ, ея чары тобой овладѣли;
Ты бродишь во тьмѣ на подобье слѣпца.....
Хафизъ, ты достигнешь когда-либо цѣли,
Лишь стало бы силы терпѣть до конца.

10.

Увѣрься, какъ слабы и ложны
Основы надежды земной.
Подай мнѣ вина! вѣдь ничтожны
Основы и жизни самоѣ.

Тотъ мыслить, по мнѣ, благородно,
Кто въ мѣрѣ, гдѣ царствуетъ рокъ,
Все то, что въ себѣ не свободно,
Изъ сердца безслѣдно извлекъ.

Сказать ли, что мнѣ послѣ пира
Вчера, свыше мѣры хмельной,
Глашатай нездѣшняго міра
Повѣдалъ въ бесѣдѣ ночной?

„О соколь, небеснаго зритель,
Достойный чертоговъ Творца!
Не эта печали обитель
Тебя приютитъ до конца.

Съ ограды надзвѣднаго трона
Призывный ты слышишь свистокъ,
Зачѣмъ не летишь изъ загона,
Гдѣ ждуть тебя сѣть иль силокъ?»

Послѣдуй благому совѣту,
Храни его свято и чти,
А слышаль я заповѣдь эту
Отъ старца прямого пути:

„Для вѣрности въ мѣрѣ нѣтъ мѣста;
Къ обманамъ его будь готовъ.
Знай: мѣръ нашъ—старуха-невѣста
Съ несчетной толпой жениховъ“.

Спокойно живи въ своей долѣ,
Не хмурься навстрѣчу судьбѣ
Затѣмъ, что вѣдь выборъ по волѣ
Не отданъ ни мнѣ ни тебѣ.—

Завидуешь ты безтолково
Хафизу, о жалкій гусларь:
Изящество мысли и слова
Есть Богомъ ниспосланный даръ.

11.

Когда благовонія сада
Какъ нынѣ плывутъ въ небеса,
Мечта моя вся и отрада—
Вино и подруга-краса.

Потѣшиться грезю сладкой
И нищій сегодня готовъ,
Сѣнь тучки считая палаткой,
Лужайку—чертогомъ пировъ.

Съ поляны Апрѣльскія сказки
Несутся, и слышится вѣсть:
„За блага грядущей развязки
Не слѣдъ отдавать то, что есть“.

Но честность у злобы плохая:
Ни искры не дастъ тебѣ тотъ,
Кто, въ кельѣ свѣчу зажигая,
Огонь изъ кумирни беретъ.

Вино въ тебѣ бодрость упрочить,
А міръ изъ надеждъ исключи:
Изъ праха онъ нашего хочетъ
На стройку лѣпить кирпичи.

Меня за мои прегрѣшенья
Надежды лишать погоди:
Кто знаетъ, что мнѣ отъ рожденья
Судьбой рѣшено впереди?

На выносъ Хафизова тѣла
Пойти себѣ въ трудъ не вмѣняй:
Въ грѣхахъ безъ числа и предѣла
Онъ можетъ попасть еще въ рай.

12.

Подай мнѣ вина; будетъ зельемъ
Цѣлительнымъ вновь мнѣ оно:
Тому, кто страдаетъ похмельемъ
Полезно все то же вино.

Веселіе вносятъ и живость
Въ бесѣды друзей и пиры
Красавиць лишь милыхъ игривость
И лозь виноградныхъ дары.

Въ защиту отъ взоровъ плутовокъ
На святость разчета не строй:
Самъ жертвою ставъ ихъ уловокъ,
Не вѣрю въ расчетъ я такой.

Отъ перваго ихъ покушенья
Пропала безгрѣшность моя.
Къ чему были постъ и лишенья
И строгій уставъ житія?

Любовь—животворная сила
Для добрыхъ и чистыхъ сердець.
Того, чья душа не любила
Простить милосердный Творецъ.

Настало блаженство свиданья,
Минула разлуки тоска.
Душа забываетъ страданья
И снова къ покою близка.

Хафизъ, то, что пережилъ тайно,
Не всякимъ довѣришь ушамъ,
А только тому, кто случайно
Разлуку испытывалъ самъ.

13.

На груди моей роза и чаша въ рукѣ
И прелестная возлѣ подруга.
Повелитель вселенной въ подобномъ кружкѣ
Для меня все равно, что прислуга.

Не заботьтесь о томъ, чтобъ свѣтильники намъ
Приносить на ночное собранье:
Между нами теперь Другъ присутствуетъ самъ
Изливая отъ лика сіянье.

Наша вѣра не врагъ влагѣ гроздій хмельной,
И піющему нѣтъ въ ней угрозы,
Но грѣховно вино безъ Тебя и живой
Кипарисъ съ благовоніемъ розы!

Засѣданью такому не нужно ничуть
Ароматовъ земныхъ воскуренье:
Здѣсь иными духами готовы пахнуть
Твои кудри въ любое мгновенье.

Весь мой слухъ погружень въ рѣчь свирѣлей и трубъ,
Въ эти арфъ задушевные звуки,
А глаза привлекаетъ рубинъ твоихъ губъ
И хожденіе чашъ изъ рукъ въ руки.

Здѣсь о вкусѣ сластей говорить—суета,
Будь онѣ хоть изъ дальняго края:
Предъ собой Твои сладкія видя уста,
Пью изъ нихъ я всѣ сладости рая.

И покуда тоску по Тебѣ, словно кладъ,
Сохраню я въ душѣ опустѣлой,
До тѣхъ поръ проводить неизмѣнно я радъ
По притонамъ пьянчугъ вѣкъ свой цѣлый.

Для чего о позорѣ заводишь ты рѣчь?
Мой позоръ—моей славы опора.
Для чего мнѣ внушаешь ты славу беречь?
Вѣдь мнѣ слава—источникъ позора.

Мы—безумцы, гуляки, питомцы корчмы,
Недостойные правъ человѣка;
Ну, а много-ль найдешь ты такихъ же, какъ мы,
Межъ дѣтей настоящаго вѣка?

Полицейскаго нравовъ блюстителя мнѣ
Въ укоризну не ставьте примѣромъ:
Лишь о выпивкѣ думаетъ онъ въ тишинѣ,
Какъ и я, хоть глядитъ изувѣромъ.

Ни на мигъ, о Хафизъ, отъ любви и вина
Не бѣги, зная времени цѣну:
Средь жасминовъ и розъ наступила весна
И разгуль воздержанью на смѣну.

ОБРЫВКИ.

1.

Увы, о блескъ дней юности отраднѣй!
Когда бъ цвѣла краса твоя всегда!
Увы, увѣ! о лѣтъ потокъ нещаднѣй!
Не устоитъ живая въ немъ вода!

Друзей и родъ покинемъ безъ возврата—
Для насъ законъ божественнѣй таковъ,—
И каждый братъ отторгнетъ отъ брата—
О, лютой рокъ!—всѣ, кромѣ Близнецовъ.

2.

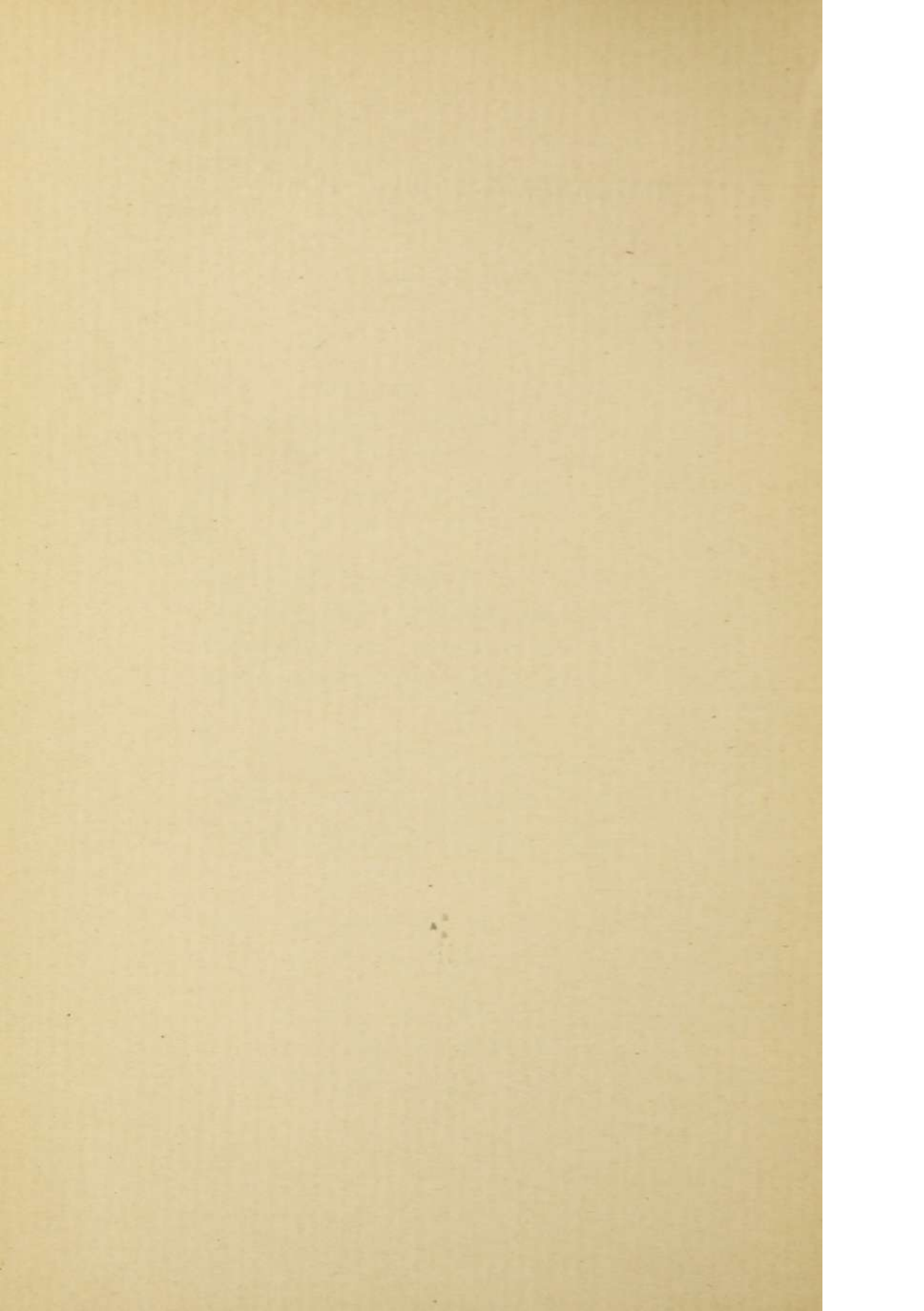
Внемли, о зефиръ, ты мольбѣ моей слезной!
Въ тебѣ лишь я вѣрнаго вижу посла.

Шепни, проносясь надъ моею любезной:
„Тотъ, въ комъ ты негаснущій пламень зажгла,

Стонать, погибая въ тоскѣ безполезной:
„О ты, безъ которой мнѣ жизнь не мила!“

ЛЮТФАЛЛАХЪ НИШАПУРСКІЙ.

(ум. 1413).

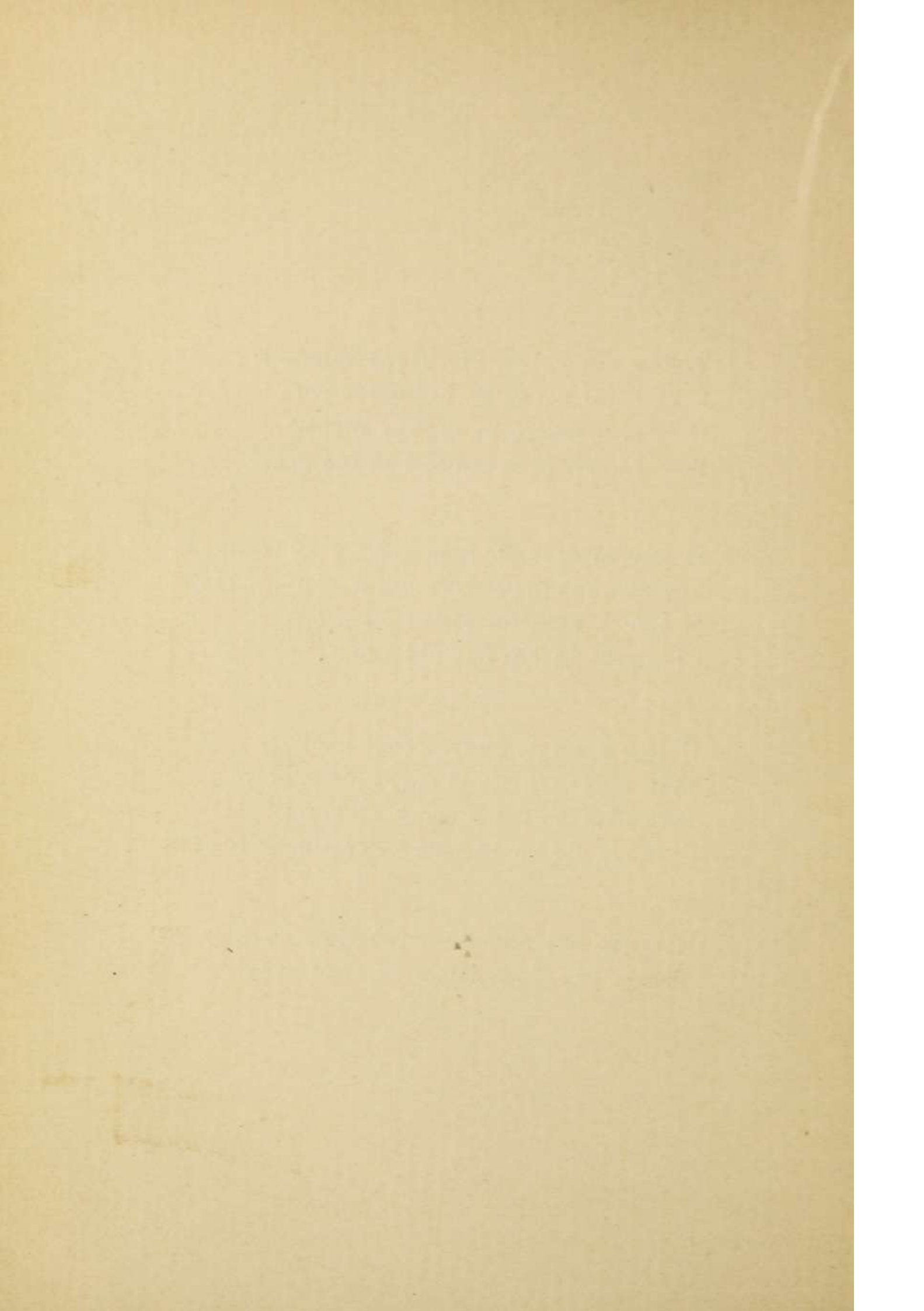

Таковъ мой удѣлъ, что, когда за водою
Я къ морю пойду, то отхлынетъ вода,
И если, нуждаясь въ огнѣ, я открою
Хоть адскую печь,—холоднѣй она льда.

И если за камнемъ направлюсь я въ горы,
Труднѣй мнѣ булыжникъ найти, чѣмъ алмазь,
И если я съ кѣмъ заведу разговоры,
Оглохнетъ на оба онъ уха заразъ.

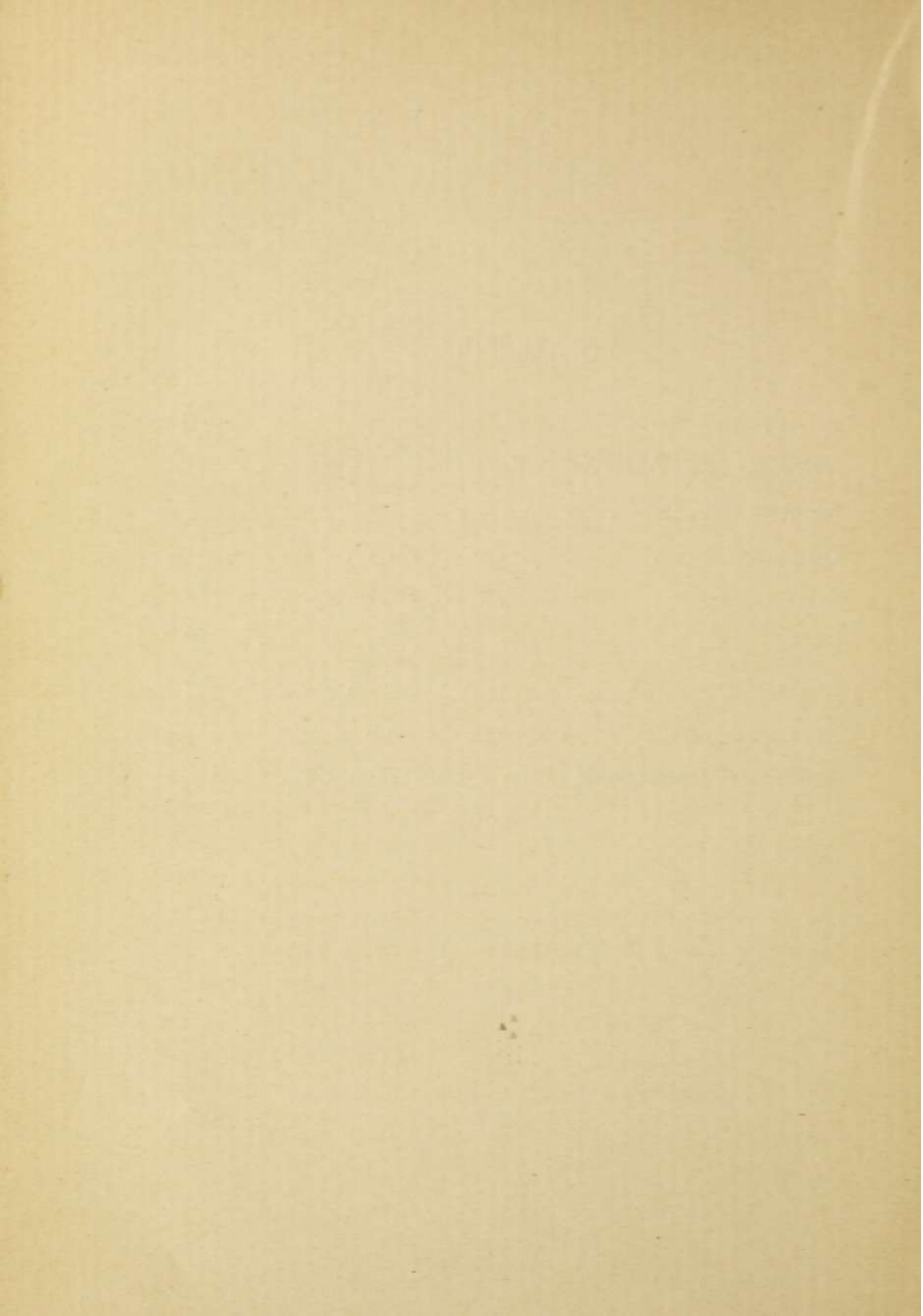
И если арабскій скакунъ подо мною,—
Чуть шагомъ плетется онъ, словно осель.
Такъ нѣтъ ни удачи нигдѣ, ни покою
Бѣднягѣ, что въ милость къ судьбѣ не вошелъ.

И все-то онъ долженъ терпѣть, да къ тому же
Молить еще Бога, чтобъ не было хуже!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступительная статья.	V
Абу-Сеидъ Ибнъ-Абиль-Хейръ Хорасанскій	1
Абу-Алій Ибнъ-Сина	7
Омаръ Хейямъ	11
Хаканій	23
Саадій	29
Джелялединъ Румій	55
Хафизъ	93
Лютфаллахъ Нишапурскій	117

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Всѣ выдающіяся произведенія мировой литературы должны быть въ распоряженіи современнаго образованнаго читателя на его родномъ языкѣ. Въ нашъ вѣкъ демократизаціи просвѣщенія едва ли кто станетъ противъ этого возражать. Пусть переводъ никогда не можетъ замѣнить подлинника. Но во всѣ времена дѣйствительно глубокое вліяніе на духовную жизнь культурныхъ народовъ оказывали только тѣ творенія чужого генія, которыя становились имъ доступны въ переводахъ. Такъ, Библия только въ переводѣ сдѣлалась истинно „Книгой книгъ“ на протестантскомъ Западѣ Европы; такъ греческіе и римскіе писатели при помощи французскихъ переводовъ переработались въ плоть и кровь у образованныхъ людей XVIII вѣка—Вѣка Просвѣщенія. Передовыя страны Европы давно это сознали. Онѣ богаты въ этомъ отношеніи, и художественные переводы издавна пользуются тамъ почетомъ, признаваясь за крупныя литературныя заслуги, плохіе же компетентной критикой быстро удаляются изъ обращенія.

Россія въ этой области стоитъ не такъ счастливо.

Правда, такъ называемые классики переводились и издавались у насъ неоднократно. Правда, переводы не только выдающихся, но и второстепенныхъ иностранныхъ писателей нашего времени появляются у насъ немедленно вслѣдъ, а иногда и одновременно съ выходомъ въ свѣтъ оригиналовъ. Однако современный читатель уже не довольствуется только текущей беллестристикой и прославленными произведеніями классической литературы. На ряду съ Шекспиромъ его занимають предшественники Шекспира, и онъ находитъ вѣчныя красоты не въ одной литературѣ эпохъ расцвѣта, но и въ произведеніяхъ періодовъ зарожденія и упадка. Нашъ книжный рынокъ далеко не удовлетворяетъ этимъ широкимъ запросамъ современнаго читателя. Многія замѣчательныя произведенія міровой литературы не были никогда переведены; переводы другихъ, иногда даже классическихъ, вещей мало удовлетворительны; часто, наконецъ, образцовые даже переводы оказываются исчезнувшими изъ продажи. Последнее, къ удивленію, наблюдается также относительно многихъ отечественныхъ писателей.

Содѣйствовать посильно выходу изъ подобнаго положенія—такова главная задача предлагаемаго вниманію публики изданія. „Памятники міровой литературы“ въ отличіе отъ существующихъ „Библиотекъ классиковъ“ или традиціонныхъ „Пантеоновъ“ будутъ обнимать произведенія, подобранныя не по эстетико-литературнымъ ихъ достоин-

ствамъ, а по значенію ихъ съ болѣе современной и болѣе широкой историко-литературной точки зрѣнія, съ которой литература разсматривается какъ отдѣлъ общей исторіи человѣческой культуры. Въ нашемъ собраніи найдеть мѣсто всякое произведеніе умственного творчества, какова бы ни была его абсолютная, художественная цѣнность, если только въ немъ ярко отразилась душа даннаго вѣка и даннаго народа. Поэзія, философія, исторія, политика и даже мемуары будутъ имѣть въ этомъ собраніи полныя права гражданства. Давая преимущественно переводы, на качество которыхъ будетъ обращено особое вниманіе, оно, однако, не исключаетъ и родной литературы.

Выходъ въ свѣтъ „Памятниковъ міровой литературы“ откроется серіей „Античные писатели“, куда войдутъ труды виднѣйшихъ изъ поэтовъ и мыслителей Греціи и Рима, и серіей „Народная поэзія“, которая обниметъ такія произведенія народнаго творчества, какъ Эдда, Калевала, Нибелунги, русскія былины и т. д. Относительно появленія въ свѣтъ другихъ задуманныхъ нами серій и отдѣльныхъ подготовляемыхъ нами выпусковъ „Памятниковъ міровой литературы“ будетъ объявлено особо.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ принести благодарность всѣмъ многочисленнымъ дѣятелямъ науки и литературы, къ которымъ намъ приходилось обращаться во время подготовительной работы по изданію „Памятниковъ“, за ту отзывчивость, съ какой они отнеслись къ нашему

предпріятію. Проявленное ими теплое сочувствіе къ положеннымъ въ его основу мыслямъ позволяетъ намъ надѣяться, что и со стороны читающей публики „Памятники“ встрѣтятъ благосклонный пріемъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

АВРЕЛІЙ МАРКЪ. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ и примѣчанія С. Роговина, вступительная статья проф. С. Котляревскаго. 2 р.

АЛКЕЙ и САФО. Собраніе пѣсень и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ размѣрами подлинниковъ Вячеслава Иванова, со вступительнымъ очеркомъ его же. 1 р. 25 к.

АСВАГОША. Жизнь Будды. Древне-индусская поэма. Переводъ стихами К. Бальмонта, вступительная статья Сильвэна Леви. 2 р. 25 к.

КАЛЕВАЛА. Финскій народный эпосъ. Переводъ Л. Бѣльскаго. 3 р.

ЛУКІАНЪ Т. І. Біографія. Религія. Переводъ подъ редакціей Ѳ. Зѣлинскаго и Б. Богаевскаго. 2 р. 25 к.

ЛУКРЕЦІЙ. О природѣ вещей. Переводъ стихами И. Рачинскаго. 2 р. 25 к.

ОВИДІЙ. Баллады-посланія. Перев. стихами, со вступительными статьями и комментариемъ Ѳ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.

ПЕТРАРКА. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Переводъ М. Гершензона и Вяч. Иванова. 2 р. 25 к.

СОФОКЛЪ. Драмы. Томъ І. Аянтъ-биченосецъ.—Филок-

- тетъ.—Электра. Переводъ стихами, со введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѡ. Зѣлинскаго. 3 р.
- СОФОКЛЪ. Драмы. Томъ II. Царь Эдипъ.—Эдипъ въ Колонѣ.—Антигона. Переводъ стихами, съ предисловіемъ и вступительнымъ очеркомъ Ѡ. Зѣлинскаго. 3 р.
- СОФОКЛЪ. Драмы. Томъ III. Трахинянки.—Слѣдопыты.—Отрывки. Переводъ стихами, со введеніями и предисловіемъ. Ѡ. Зѣлинскаго. 3 р.
- ѠУКИДИДЪ. Исторія. Переводъ Ѡ. Мищенко съ измѣненіями, примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. За 2 т. 6 р.

